

Елена

Любовь

Босс.

Развод

по расписанию

Елена Львова

Босс. Развод по расписанию

<https://litres.ru/74070659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина решила: пятнадцать лет брака — вполне достаточный срок, чтобы наконец собрать чемодан и уйти. Но её муж Константин, успешный юрист и будущий кандидат в мэры, развод категорически отклоняет. Ведь для победы на выборах ему срочно нужна идеальная семья.

Теперь вместо развода их ждут сделка, совместные фотосессии, семейный цирк и попугай Аркадий, который уверен: «Костя — козёл!»

Осталось понять, что закончится раньше: предвыборная кампания, их терпение или любовь, которую они слишком рано списали со счетов.

Содержание

Глава 1. Алина	4
Глава 2. Константин	16
Глава 3. Алина	31
Глава 4. Константин	43
Глава 5. Алина	51
Глава 6. Константин	67
Глава 7. Алина	79
Глава 8. Алина	85
Глава 9. Константин	95
Глава 10. Алина	104
Глава 11. Алина	115
Гл	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Елена Львова

Босс. Развод по расписанию

Глава 1. Алина

— Костя — козел!

Голос раздается из кухни так уверенно, будто это не попугай, а судья выносит приговор.

Я замираю с футболкой в руках.

— Аркадий, не сейчас.

Бросаю футболку в чемодан и застегиваю молнию. Но она заедает на последнем сантиметре, и я дергаю ее сильнее, чем нужно.

Чемодан вздрагивает, будто сопротивляется.

— Да что ж ты...

Секунда, и ткань внутри рвется с тихим, окончательным звуком.

Я смотрю на него. На этот дурацкий чемодан, который я купила три года назад в надежде, что он мне пригодится. Надежда оправдалась, но почему—то радости нет.

Уходить из брака, оказывается, сложнее, чем из отпуска. Там хотя бы знаешь, что вернешься. А здесь — чемодан го-

тов, но никто не говорит: «Не забудь зарядку».

Я прислоняюсь к стене и на секунду закрываю глаза. Тихо. Слишком тихо для квартиры, в которой двадцать лет кто—то всегда был прав.

Телефон лежит на тумбочке. Экран черный, как будто он тоже ждет, решусь ли я наконец. Я беру его не сразу. Сначала просто стою. Дышу. Считаю до трех. Потом до пяти. Не помогает.

— Ну давай, — говорю себе тихо. — Ты же взрослая женщина.

Палец висит над именем «Мама». И в этот момент становится особенно ясно: если я сейчас позвоню — пути назад не будет.

Я нажимаю.

Гудки.

Один.

Два.

— Алло, — голос мамы бодрый, как будто она ждала. — Ну?

Я молчу секунду, смотрю на чемодан, на дверь, за которой его все еще нет.

— Мам... я, кажется, решилась.

Пауза. Я слышу, как она выдыхает. Не то чтобы тяжело, скорее, с облегчением.

— Наконец—то, — спокойно говорит она.

Я даже не удивляюсь. Пальцы сжимают телефон чуть

сильнее. В груди поднимается что—то теплое и злое одновременно.

— Ты могла бы сделать вид, что переживаешь.

— Я переживаю. Но не за это. Я переживаю, что ты переживаешь.

Я закрываю глаза. Прислоняюсь затылком к стене.

— Я не передумую.

— Он дома?

— Нет.

— Ну, конечно, нет, — хмыкает мама. — У него же важные дела. Страна без него развалится.

Я провожу рукой по лицу. Пальцы скользят по лбу, по щекам, останавливаются у губ.

— Мам...

— Что «мам»? — она не повышает голос, но попадает точно. Я знаю этот тон. Так она разговаривала со мной в школе, когда я приносила двойку. — Он когда последний раз приходил домой раньше десяти?

Я молчу. Смотрю в пол. Плитка на полу, белая, с серыми разводами. Я знаю каждую трещинку. Потому что я смотрела на них много раз, пока ждала.

— Вот и я о том.

Я сажусь на край тумбочки, потому что стоять уже тяжело. Ноги ватные. Чемодан стоит у двери и смотрит на меня черной молнией.

— Я чемодан собрала.

— У двери?

— Да.

— Хорошо, — говорит мама. — Значит, половину работы ты уже сделала.

— Половину?

— Самое сложное не собрать чемодан. Самое сложное — выйти с ним за дверь.

Я смотрю на чемодан. Он стоит спокойно, как будто сомневается и сбивает мой настрой. И это бесит больше всего.

— Я подожду его, — говорю я.

— Зачем?

— Хочу сказать в глаза.

Длинная пауза. Я слышу, как на кухне Аркадий перебирает лапами по жердочке. Шорох. Потом тишина.

— Ты уверена, что тебе это нужно?

— Да.

— Ты хочешь, чтобы он тебя остановил?

Я не отвечаю. Провожу пальцем по шву джинсов. Вверх — вниз, вверх — вниз.

— Алина, — мягче говорит мама. — Ты хочешь, чтобы он тебя остановил?

— Я хочу, чтобы он хотя бы заметил.

Тишина. В телефоне легкое потрескивание. Где — то далеко, на другом конце города, мама молчит. Я знаю, что она сейчас думает. И она знает, что я знаю.

— Он заметит, — говорит она. — Когда ты уйдешь.

Я усмехаюсь. Горько. Криво. Губы не слушаются.

— Прекрасно.

— Я могу приехать, — предлагает мама настойчиво.

— Не надо.

— Уверена?

— Да.

— Тогда слушай меня внимательно, — голос у нее становится тем самым, «без права на апелляцию». Я знаю этот голос с детства. С ним не спорят. С ним можно только согласиться или сделать вид, что не слышала. — Ты ему ничего долго не объясняешь. Не оправдываешься, не вспоминаешь, как вы познакомились и какой он был милый. Ты говоришь: «Я ухожу». И все.

— Мам...

— Что?

— Я не уверена, что у меня получится «и все».

— Тогда говори, как получится. Но не позволяй ему перевести это в деловое совещание.

Я фыркаю. Представляю его лицо, его голос, его «фактически» и «следовательно». Как он садится на край дивана, выпрямляет спину, включает «режим зала суда». У меня мурашки по спине от смеси злости и какой—то тоскливой нежности.

— Ты его недооцениваешь.

— Я его двадцать лет знаю, — спокойно отвечает она. — И, поверь, я его переоцениваю.

Я снова провожу рукой по лицу. Щиплет глаза или я просто устала. Или и то, и другое.

— Ладно.

— Позвонишь, когда выйдешь.

Я смотрю на чемодан.

— Позвоню.

— И, Алина...

— Что?

— Если передумаешь, я тебя все равно приму. Но сначала я тебя отругаю.

Я улыбаюсь впервые за вечер. Коротко. Тепло. Плечи опускаются. Отпускает.

— Это очень поддерживают.

— Я стараюсь, — сухо говорит мама. — Все, давай. И не вздумай оставить чемодан. Это плохая примета.

Связь обрывается.

Я опускаю телефон. Смотрю на экран, пока он гаснет. Мое отражение — усталое, с кругами под глазами. Я выгляжу ровно настолько плохо, насколько себя чувствую.

Тишина возвращается, но уже другая. Не пустая. Наполненная.

— Костя — козел, — раздается из кухни. Аркадий говорит это спокойно, почти ласково, как констатацию факта.

— Я помню, Аркадий, — говорю я устало, не повышая голоса. — Не обязательно повторять.

— Развод! Развод! — теперь он кричит, перебирая лапами

по жердочке, я слышу этот ритмичный стук.

— Не ори.

— Возражаю, ваша честь!

Я закрываю глаза и смеюсь. Коротко. Нервно. Плечи вздрагивают, в горле першит. Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не разреветься. Или чтобы не засмеяться еще громче. Я сама не понимаю.

— Ты вообще на чьей стороне? — спрашиваю я, обернувшись к кухне.

Попугай наклоняет голову. Я вижу его краем глаза, он сидит на жердочке, смотрит на меня блестящим черным глазом, оценивает.

— Алина, не плачь.

Я застываю. Рука опускается, сердце делает лишний удар.

— Я не плачу.

— Не плачь, — повторяет он. Моим голосом.

— Я. Не. Плачу.

Но голос почему—то не слушается. Ломается на последнем слове. Я закусываю губу. Сильно. До боли.

— Костя — козел! — теперь он кричит с каким—то остервенением, хлопает крыльями, я слышу этот звук даже из кухни.

— Вот с этим согласна, — говорю я тихо.

Я встаю. Ноги слушаются. Уже хорошо. Беру чемодан за ручку. Он тяжелый. Или это мне кажется. Подтаскиваю ближе к двери. Останавливаюсь.

Секунда. Две.

Я могу сейчас просто выйти. Никто не остановит. Никто не спросит. Дверь в трех шагах. Такси через десять минут.

Я кладу руку на ручку двери. Металл холодный, гладкий. Мой палец нажимает на защелку и может открыть. Просто. Легко.

И убираю.

— Нет, — говорю тихо. — Не так.

— Слушание откладывается! — радостно сообщает Аркадий. Я почти вижу, как он топорщит перья.

— Именно.

Я иду в кухню. Пол под ногами знакомый до боли. Здесь каждая плитка знает, как я хожу. Ночью. Утром. Когда жду. Когда не дождалась.

Наливаю себе воды. Руки чуть дрожат, стакан позвякивает о столешницу. Я ставлю его, сжимаю пальцами. Не пью, просто держу.

Часы на стене тикают слишком громко.

Восемь сорок семь.

Он обычно приходит после десяти.

Я сажусь. Спина прямая, руки на коленях, как на собеседовании. Только это собеседование длилось двадцать лет, и я наконец решила уволиться.

Встаю. Снова сажусь. Поправляю край скатерти, разглаживаю невидимые складки, потому что надо чем—то занять руки.

Телефон лежит рядом. Экран черный.

Я не пишу.

Пусть придет.

Пусть посмотрит.

Пусть хотя бы сегодня увидит.

— Горько! — вдруг орет попугай. Так громко, что я вздрагиваю.

— Заткнись, — говорю я автоматически.

— Аркадий хороший! Аркадий хороший!

Он обиженно замолкает. Шевелит крыльями. Я слышу этот шорох. Потом тишина. Только часы.

Проходит еще минут десять. Или тридцать. Я уже не уверена. Стрелки на часах будто замерли, но на самом деле просто ползут. Как всегда, когда ждешь.

Я смотрю на дверь, на ручку, на чемодан, который стоит рядом.

Когда звук ключа в двери раздается, я сначала думаю, что мне показалось. Сердце делает лишний удар — сильный, почти болезненный. Потом дверь открывается.

И он входит.

Как всегда, в костюме. Темно—синий, тот самый, в котором он был на прошлой неделе на важных переговорах. Как всегда, с этим выражением лица, будто все под контролем. Галстук завязан идеальным узлом, я когда—то учила его завязывать. Теперь он справляется сам. Волосы чуть растрепаны — единственное, что выдает, что день был долгим.

Он закрывает дверь. Медленно снимает пальто, не глядя в мою сторону. Вешает на плечики. Поправляет. Тщательно, как будто это самое важное сейчас.

— Ты дома, — говорит он, как констатацию факта.

— Да.

Пауза. Я слышу, как он выдыхает. Не тяжело. Привычно.

Он наконец поднимает взгляд.

Сначала на меня. Я сижу на стуле, руки на коленях, спина прямая. Потом на чемодан.

Его взгляд меняется едва заметно. Но я вижу. Что—то дрогнуло в углу рта. Пальцы на мгновение сжались в кулак и разжались. Он теребит манжету. Старый жест. Я знаю его двадцать лет. Он нервничает, просто не хочет показывать.

Он делает шаг ближе, не к чемодану, ко мне.

— Алина, — спокойно. Голос ровный, как в зале суда. — Давай подойдем к этому вопросу конструктивно.

Я чуть улыбаюсь. Криво. Горько. Как же я ждала, что он скажет что—то другое. И как же я знала, что он скажет именно это.

— Конечно. Как же иначе.

Он кивает, будто я подтвердила повестку. Садится на край дивана. Выпрямляет спину. Включает «режим зала суда». Я вижу, как он собирается. Подбирается, становится тем самым Костей, которого боятся свидетели и обожают клиенты.

— Фактически, ситуация требует от нас взвешенного решения. У меня сейчас сложный период. Выборы. Я баллоти-

руюсь в мэры. Следовательно—

— Я ухожу, Костя.

Он замолкает.

Секунда. Тишина такая плотная, что я слышу, как на кухне Аркадий шевелит крыльями.

Муж смотрит на меня внимательно, считывает. Я не отвожуд взгляд. Впервые за двадцать лет.

— Нет.

Я даже не сразу понимаю, что он сказал. Слово повисает в воздухе, тяжелое, чужое. Не вписывается ни в одну категорию. Не «почему». Не «давай поговорим». Просто — нет.

— Что?

— Нет, — повторяет он спокойно. Слишком спокойно. — Это не вариант.

Я смотрю на него. На этого человека, который двадцать лет назад подарил мне книгу стихов. С надписью «Ты лучшее, что со мной случилось». Сейчас он сидит передо мной с лицом адвоката, который только что отклонил ходатайство. И почему—то это большее, чем если бы он просто молчал.

— И это не обсуждается?

— Именно.

Я смеюсь. Уже без нервов, по—настоящему, громко, почти истерично. Он морщится, но молчит.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Я собрала чемодан.

— Вижу.

— Я позвонила маме.

— Полагаю, она поддержала твое решение.

— О, она в восторге.

— Логично.

Пауза. Я смотрю на него. Он на меня. Никто не отводит взгляд. Это как дебаты, только ставки выше. Гораздо выше.

— Костя, — тихо говорю я. Голос предательски дрожит, но я держусь. — Мы разводимся.

Он делает еще шаг. Слишком близко. Я чувствую запах его одеколona. Я закрывала глаза и вдыхала его двадцать лет назад. Теперь я не закрываю.

— Развода не будет.

Он говорит это так спокойно, будто речь не о браке, а о графике встреч.

Тишина.

— Возражаю, ваша честь! — радостно орет из кухни Аркадий. Я слышу, как он хлопает крыльями, довольный, что влез в разговор.

Глава 2. Константин

— Следовательно, у вас нет ни одного основания для иска.

Я делаю паузу, смотрю на него и добавляю спокойнее:

— Я предлагаю вам сэкономить время и деньги.

Он отводит взгляд первым.

Значит, разговор окончен.

— Мы... обсудим это с коллегами, — говорит он, уже без прежней уверенности.

— Разумеется, — киваю я. — Обсуждение — полезный процесс. Иногда он помогает прийти к очевидным выводам.

Максим, сидящий справа, чуть наклоняется ко мне и шепчет:

— Шеф, это было жестко.

— Это было корректно, — поправляю я, не глядя на него.

— Зафиксируй результат.

— Уже.

Я закрываю папку, выравниваю ее по краю стола. Привычка. Все должно лежать ровно.

— Если у вас больше нет вопросов, — произношу я, поднимая взгляд, — предлагаю завершить встречу.

Вопросов нет.

Они поднимаются. Стулья двигаются, кто—то роняет ручку, кто—то пытается улыбнуться. Не получается.

Дверь закрывается. Тишина.

Максим громко выдыхает. С шумом выпускает воздух, как после забега.

— Шеф... вы их просто... — он ищет слово, — размазали.

— Я предложил им выход, — отвечаю я. Поднимаюсь из кресла. — Они сами выбрали вход.

Максим хмыкает. Я не смотрю на него, но знаю, что он сейчас качает головой. Мой помощник всегда удивляется, хотя должен был привыкнуть за три года.

Я встаю. Поправляю галстук. Узел ровный. Всегда ровный. Пальцы привычно проверяют — движение, автоматическое.

— Что дальше? — спрашиваю я, поворачиваясь к окну.

— В три встреча с инвесторами. В четыре — звонок с областью. И... — он заминается, — к вам записались.

Я не оборачиваюсь. Смотрю на улицу. Внизу машины, люди. Все куда—то идут. У всех есть цель.

— Кто?

— Николай Иванович.

Я останавливаюсь. Пальцы замирают на галстукке.

— Председатель избиркома?

— Да.

Пауза. Я смотрю на Максима. Он стоит, чуть ссутулившись, перебирает бумаги — нервничает. Хотя ему—то что?

— Подтверди.

Максим быстро и коротко кивает. И выходит.

Я остаюсь один. Секунда. Две.

Николай Иванович не приходит просто так. Мы знакомы пятнадцать лет. Он не звонит. Он приходит. И он никогда не приходит с пустыми руками. Всегда с предложением или с вопросом. В этот раз, я чувствую, что с тем и другим.

Телефон вибрирует. Лариса, мой секретарь.

— Константин Петрович, — ее голос мягкий, чуть растянутый. Я представляю, как она сейчас сидит за своим столом, поправляет волосы, улыбается в трубку. Ее обычный тон. — К вам уже поднимаются.

— Пусть заходят.

— Конечно.

Я аккуратно кладу телефон параллельно краю стола. Беру ручку, кручу ее между пальцами. Раз. Два. Три. Потом откладываю. Бесполезно. Жду.

Дверь открывается.

— Константин Петрович, — Николай Иванович проходит в кабинет без спешки, как человек, который никуда не опаздывает. — Добрый день.

— Добрый, — киваю я. — Присаживайтесь.

Он садится не сразу. Сначала снимает пальто, аккуратно вешает на спинку стула. Потом поправляет рукава. Потом только садится. Все по порядку, как в протоколе.

Осматривается. Я жду.

— У вас, как всегда, порядок, — говорит он без иронии.

Почти с уважением.

— Это упрощает работу, — отвечаю я.

Он едва заметно улыбается. Только уголки губ. Глаза не участвуют.

— К делу?

— К делу.

Пауза. Николай Иванович сцепляет пальцы. Кладет на стол. Смотрит на меня.

— Вам когда—нибудь предлагали баллотироваться в мэры?

— Предлагали, — говорю ровно. — Я отказывался.

Он кивает. Медленно. Как будто проверяет что—то про себя.

— Понимаю, — произносит он. — Время не пришло.

— А сейчас? — спрашиваю я. Голос не дрожит.

Он ставит ладони на стол. Плоско. Уверенно. Как будто кладет козыри.

— Сейчас пришло.

Тишина.

Воздух в кабинете становится плотнее. Как плечи сами собой расправляются. Как пальцы находят край стола и замирают.

За дверью Максим не печатает. Я знаю, он стоит и слушает. Мне все равно.

— Почему я? — спрашиваю я.

— Потому что вы умеете доводить до результата, — гово-

рит он спокойно. — Потому что вас боятся. Потому что вас уважают. И потому что вы первоклассный юрист.

— Это разные категории, — замечаю я. Пальцы слегка постукивают по столешнице. Я заставляю их остановиться.

— В вашем случае — нет.

Я смотрю на него. Он не отводит взгляд. У него хорошая выдержка. Лучше, чем у того, кто только что вышел.

— Что я получу взамен? — спрашиваю я.

Он улыбается чуть шире. Удовлетворенно. Как будто я сказал то, что он ждал.

— Все.

— Конкретнее.

— Власть. Ресурсы. Влияние.

— И?

— Ответственность.

— Это меня не пугает.

— Я знаю, — отвечает он.

Пауза.

— Есть условия? — спрашиваю я.

— Есть, — он не тянет. — Идеальная семья.

Я не двигаюсь. Пальцы, лежащие на столе, замирают.

— В каком смысле? — спрашиваю я медленно.

— В прямом, — спокойно говорит он. Голос ровный, как у человека, который произносит это не в первый раз. — Картинка. Стабильность. Жена. Дом. Без скандалов.

Я смотрю на него. Мои пальцы разжимаются. Потом сжи-

маются снова. Я заставляю их замереть.

Он добавляет, чуть наклоняясь вперед:

— Вы же понимаете, как это работает.

— Понимаю, — отвечаю я.

— Тогда вы понимаете и это.

Пауза затягивается.

Воздух в кабинете становится тяжелым. Как плечи сами собой напрягаются. Медленно встаю и подхожу к окну.

Город внизу живет своей жизнью. Машины, люди, движение.

— Это решаемо, — говорю я.

— Я не сомневался, — слышу я за спиной.

Он встает.

— Подумайте. Но недолго.

— Я не думаю долго.

— Это ваша сильная сторона, — слышу я его шаги к двери. Он останавливается. Пауза. Я чувствую его взгляд на своей спине. — И слабая.

Он уходит. Я выдыхаю.

Максим заходит сразу. Я слышу его быстрые, нетерпеливые шаги. Останавливается у стола. Я слышу, как он переминается с ноги на ногу. Как бумаги шуршат в руках. Он ждет.

— Шеф?

— Слышал? — спрашиваю я, не оборачиваясь. Голос ровный. Я снова контролирую.

— Частично.

— Достаточно.

— Это... — он почти улыбается, я слышу это по голосу,

— это уровень.

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он стоит, чуть подавшись вперед, глаза блестят. Мой помощник. Максим. Он всегда хочет большего. Для меня. Для себя. Я знаю. Я вижу, как его пальцы сжимают папку. Как он ждет моего слова.

— Это работа, — говорю я.

— Вы согласитесь?

Я смотрю на него. На надежду в его глазах.

— Да, — говорю я.

Он выдыхает с облегчением.

— Я знал.

Телефон снова вибрирует.

— Константин Петрович... — ее голос мягкий, почти шепотом. Я слышу, как она прикрыла трубку рукой. Как дышит.

— Я слышала... поздравляю.

— Рано.

— Не для вас.

Пауза. Я смотрю на окно. На свое отражение. Бледное. Усталое. Я не узнаю себя. Или не хочу узнавать.

— Лариса, — говорю я.

— Да? — она ждет. Я слышу ее дыхание. Частое. Она волнуется.

— Подготовьте мне сводку по проектам.

— Уже делаю. — Быстро. Почти не дыша. Я слышу, как она перекладывает бумаги.

— И еще.

— Да? — голос становится тише. Она чувствует. Я знаю этот ее тон. Когда она хочет казаться ближе.

— Семейный блок.

Пауза. Длинная. Я слышу ее дыхание. Как оно меняется. Как замирает на секунду. Как становится тише.

— Поняла, — говорит она тихо. — Это важно.

— Да.

— Я займусь.

Я кладу трубку. Секунда. Алина.

Мысль возникает и тут же выстраивается в систему. Сердце делает лишний удар. Как пальцы сжимают телефон сильнее, чем нужно. Я ставлю его на стол. Аккуратно. Параллельно краю.

Поговорить. Объяснить. Зафиксировать.

Как с партнером.

Я встаю. Беру пальто. Набрасываю на плечи.

— Шеф? — Максим замирает с бумагами в руках.

— Я уехал.

— Встреча в три.

— Перенеси. — Голос не терпит возражений. Он знает этот тон.

— Есть. — Кивает. Быстро.

Я выхожу.

Парковка встречает бетонной пустотой и запахом бензина. Тишина здесь плотная, почти осязаемая, она давит на уши.

В голове все выстроено: план, слова, аргументы. Она поймет. Она всегда понимала. Я говорю себе это по дороге к машине, и каждый шаг звучит увереннее предыдущего.

Садясь в автомобиль, чувствую, как холодная кожа сиденья принимает спину. Завожу двигатель, мотор оживает с глухим, надежным рыком. Руль под пальцами холодный и чужой. Я сжимаю его сильнее, чем нужно, чтобы почувствовать хоть что—то.

Я медленно закрываю дверь. Мне нужно время.

Снимаю пальто и вешаю на плечики. Поправляю тщательно, как будто это самое важное сейчас. Если я буду делать все правильно, значит, я контролирую ситуацию. Я всегда контролирую ситуацию.

— Ты дома, — говорю я.

— Да.

Пауза. Я выдыхаю. Она всегда дома. Всегда ждет. Я перестал замечать это давно. Или делал вид.

Я наконец поднимаю взгляд.

Сначала на нее. Сидит на стуле, руки на коленях, спина прямая. Потом на чемодан, который стоит у двери.

Пальцы на мгновение сжимаются в кулак и разжимаются. Я тереблю манжету и делаю шаг ближе к ней.

— Алина, — спокойно говорю. — Давай подойдем к это-

му вопросу конструктивно.

Она чуть улыбается. Я видел эту улыбку раньше. В зеркале заднего вида, когда уезжал в командировку. В дверях, когда приходил поздно. Я видел, но не смотрел.

— Конечно, — говорит она. — Как же иначе.

Я киваю, давая ей понять, что принял условия диалога. Сажусь на край дивана — жестко, не откидываясь, потому что расслабляться сейчас нельзя. Спина прямая, плечи расправлены.

— Фактически, ситуация требует от нас взвешенного решения. У меня сейчас сложный период. Выборы. Я баллотируюсь в мэры. Следовательно—

— Я ухожу, Костя.

Я замолкаю. Словно кто—то нажал паузу. Воздух в комнате становится плотным, почти жидким и давит на грудную клетку. Пальцы сами собой впиваются в край дивана, я заставляю их разжаться, кладу ладони на колени. Спокойно. Все спокойно.

— Нет, — говорю я.

Слово вылетает раньше, чем я успеваю его обдумать. Она смотрит на меня с недоумением — я вижу, как брови сдвигаются.

— Что?

— Нет, — повторяю я. Голос ровный, но горло сжимается, связки работают на пределе. — Это не вариант.

Она смотрит на меня с ухмылкой.

— И это не обсуждается? — спрашивает.

— Именно.

Она смеется. Смех начинается где—то в груди, вырывается наружу, становится громче, почти истеричным. Я морщусь.

— Ты серьезно? — спрашивает она.

— Абсолютно.

— Я собрала чемодан.

— Вижу.

— Я позвонила маме.

— Полагаю, она поддержала твое решение.

— О, она в восторге.

— Логично.

Пауза. Я смотрю на нее. Она на меня. Никто не отводит взгляд. Это как дебаты, только ставки выше. Гораздо выше.

— Костя, — тихо говорит она. Голос дрожит. — Мы разводимся.

Я делаю еще шаг. Слишком близко и чувствую запах ее цветочного шампуня.

— Развода не будет, — говорю я спокойно.

Тишина.

— Возражаю, ваша честь! — крик Аркадия врывается с кухни.

— Ты не можешь меня удержать.

Она говорит это так, будто ставит точку. Я смотрю на нее. Считаваю. Руки сжаты в кулаки, но она не замечает. Дыха-

ние частое, я вижу, как поднимается и опускается ворот ее футболки.

— Могу, — отвечаю я. Голос ровный. Пальцы на манжете, я заставляю их замереть.

Она делает шаг назад. Спотыкается о край ковра, но удерживает равновесие.

— Я приняла решение.

— Это решение нерационально.

— А мне плевать на рациональность!

Голос срывается. Первый раз за этот разговор. Я слышу, как он ломается на середине слова, как становится выше, острее. Она сама пугается этого звука, я вижу по лицу. Но не отступает.

— Если ты мне помешаешь, — она смотрит прямо, не моргая, — я устрою тебе такую предвыборную кампанию, что мало не покажется.

Пауза.

Я замираю. Даже дыхание задерживаю на секунду. Смотрю на нее. На ее глаза — темные, расширенные, без страха. На губы, сжатые в тонкую линию. На руки, теперь она скрестила их на груди. Защита. Или оружие. Я не могу понять.

Интересно.

Она не блефует. Я это вижу. Я видел блеф тысячи раз. В суде, на переговорах, в кабинетах, где решались судьбы. Она не блефует.

Мысль выстраивается быстро, как в шахматах, как в суде.

Как всегда.

Ее нельзя остановить. Ее можно направить.

— Хорошо, — говорю я спокойно. — Давай конструктивно.

— Не начинай.

— Я профинансирую два твоих проекта.

Она замирает. Я вижу, как ее пальцы разжимаются на груди. Как она делает вдох. Осторожный, как будто воздух может обжечь.

— Три.

— Два.

— Три, Костя.

Пауза. Я смотрю на нее. Считаю. Вдох— выдох. Она взгляд не отводит. Она готова спорить дальше. Она готова биться за каждую цифру. Как тогда, в институте, когда спорила о курсовой. Я помню это лицо.

— Хорошо. Три.

Тишина.

Она смотрит на меня. Долго. Так долго, что я чувствую, как воздух в комнате становится тяжелым. Ее губы едва заметно дрожат. Плечи опускаются.

— Ты... — голос у нее ломается, становится тихим, почти шепотом. — Ты опять все покупаешь?

— Я предлагаю решение.

— Ты предлагаешь сделку!

— Это эффективно.

Она смеется. Резко. Один звук, вырвавшийся из горла. Я смотрю на ее лицо, и не понимаю, смех это или что—то другое. Она разворачивается. Я вижу, как ее плечи напряжены, как она сжимает кулаки, идя к спальне.

— Ты невозможен.

Дверь хлопает. Не сильно, но я слышу, как дрожит стена.

— Развод! Развод! — орет из кухни попугай. Громко. Назойливо.

— Замолчи, — говорю я. Желваки шевелятся на скулах.

Он не замолкает. Продолжает кричать, перебирая лапами по жердочке, я слышу этот ритмичный стук, как будто он считает секунды до моего поражения.

— Я сказал — замолчи.

Тишина.

Я стою посреди комнаты. Секунда. Две. Слышу, как в груди стучит сердце. Громко. Я считаю удары. Раз. Два. Три.

Все под контролем. Должно быть.

Дверь открывается. Она выходит. Лицо бледное, глаза сухие, я вижу, она уже не плакала. Не будет. Резко хватается чемодан за ручку и снова скрывается в спальне. Дверь не закрывается. Она остается приоткрытой. Я слышу, как чемодан ударяется о кровать. Как она дышит. Часто. Глубоко.

Тишина.

— Суд постановил! — тихо говорит попугай.

Я стою посреди комнаты. И впервые за долгое время не понимаю, что будет дальше. Я не чувствую контроля. Только

пальцы сжимаются и разжимаются на манжете. Снова. Снова. Снова.

Глава 3. Алина

Я просыпаюсь не от будильника, а от яркой мысли.

Я что, правда согласилась?

Лежу с закрытыми глазами еще секунду. Может, если не двигаться, все это рассосется само. Вчерашний разговор, чемодан, Костя с его лицом человека, который не брак спасает, а согласовывает поставку мебели в новый офис.

Не рассасывается.

Я открываю глаза и сразу вижу чемодан. Он стоит у двери в спальню, ровный, молчаливый, как укор. Все еще здесь, значит, я тоже здесь. Значит, вчерашнее: «развода не будет» — не приснилось. Значит, я действительно собиралась развестись, а в итоге каким—то образом выиграла тендер на роль жены.

У меня внутри все сжимается. Не красиво и не драматично, а просто тупо сводит живот, как перед плохой новостью, которую уже услышала, но организм все еще надеется, что произошла ошибка.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. В голове всплывают вчерашние фразы кусками, как плохой монтаж. «Конструктивно». «Профинансирую». И еще что—то... что—то про выборы.

Я хмурюсь.

Выборы?

Нет, подождите. Я поворачиваю голову к чемодану, будто он сейчас обязан мне все объяснить.

Он что, правда сказал про выборы? Или мне на нервной почве уже послышалось? Потому что это бред. Абсолютный. Я собираюсь разводиться, а он между делом сообщает что—то про мэрию? Так не бывает.

Я медленно провожу ладонью по лицу. Во рту сухо. Я коротко, зло выдыхаю в потолок.

Нет, меня бесит даже не то, что он меня удержал. Хотя и это тоже. Меня бесит, как именно он это сделал. Будто я не жена, с которой прожил двадцать лет, а подрядчик. Будто можно просто назвать цену, согласовать условия и поставить подпись внизу.

Три проекта. Смешно.

В груди ноет тяжелое, вязкое раздражение. Я смотрю на чемодан еще раз и вдруг понимаю, что дело уже не в том, уйду я или нет. Дело в том, что Костя, кажется, всерьез решил, будто можно взять наш разваливающийся брак, прикрутить к нему скотчем слово «выборы» и выдать это за рабочий план.

У меня медленно, очень медленно поднимается бровь.

Ладно.

Сейчас выясним, что именно вчера было бредом: моя жизнь или его выборы.

Телефон звонит как раз в тот момент, когда я встаю с кровати.

Я даже могу не смотреть кто это. У мамы есть суперспособность появляться тогда, когда в моей жизни очередная катастрофа.

Я беру телефон.

— Да, мам.

— Ну? — говорит она так бодро, будто уже взяла скалку и стоит в прихожей. — Как я понимаю, ты не ушла?

Я опускаюсь обратно на край кровати и провожу пальцами по виску.

— Не совсем.

На том конце становится тихо. Очень тихо. Настолько, что я почти слышу, как мама закрывает глаза и медленно, с достоинством человека, которого жизнь уже ничем не удивит, делает мысленный фэйспалм.

— Так, — произносит она наконец. — Давай еще раз. Медленно. И словами.

Я вздыхаю.

— Я сказала, что ухожу.

— Умница.

— Он сказал, что развода не будет.

— Вот тут уже интересно.

— Потом... — я морщусь, вспоминая. — Что—то про выборы.

— Что значит «что—то»?

— В смысле... он сказал, что собирается в мэры. Кажется.

— Кажется?

— Мам, это звучит настолько бредово, что я до сих пор не уверена, не придумала ли это сама.

— Нет, — сухо говорит мама. — Ты бы до такого не додумалась. У тебя фантазия здоровая.

Я невольно фыркаю.

— В общем, да. Выборы. И ему... нужна идеальная семья.

Пауза.

Потом мама очень спокойно, слишком спокойно, спрашивает:

— Я сейчас правильно поняла?

— Что именно?

— Что мой зять, вместо того чтобы нормально развестись, решил отложить это мероприятие, потому что собрался захватить город?

— Примерно.

— И для этого ему нужна не жена, а массовка в кадре?

— Примерно, — повторяю я уже тише.

— И ты должна не разводиться, а подыграть?

Я смотрю на чемодан.

— Да.

Мама молчит еще секунду.

— У него температура? — спрашивает она. — Или амбиции совсем мозг сдавили?

Я улыбаюсь уголками губ.

— Не исключаю оба варианта.

— Господи, — выдыхает мама. — Я всегда знала, что он

с придурью, но чтоб настолько. Это уже не характер, это диагноз с галстуком.

Я закрываю глаза и чувствую, как внутри становится чуть легче. Совсем чуть—чуть. Ровно настолько, чтобы не задохнуться от абсурда в одиночку.

— Развода пока не будет, — говорю я. — Формально.

— Формально? — в голосе мамы появляется опасная мягкость. — А неформально?

— Неформально я, кажется, подписалась на роль жены по временному договору.

— Боже, — говорит мама. — Он даже ваш брак умудрился оформить как служебную записку.

— Именно.

На этот раз мы молчим уже вдвоем. И это хорошая пауза, без необходимости что—то срочно объяснять.

Потом мама говорит:

— Я завтра приеду.

Я тут же открываю глаза.

— Не надо.

— Надо.

— Мам.

— Я не спрашиваю, Алина. Я ставлю тебя перед фактом.

Я невольно выпрямляюсь.

— Мне почти сорок лет.

— Отлично. Значит, сама откроешь мне дверь.

— Я серьезно.

— И я серьезно, — отрезает она. — Во—первых, ты в этом цирке явно одна не справляешься. Во—вторых, я хочу посмотреть в глаза человеку, который решил, что можно использовать мою дочь как предвыборный баннер.

Я закусываю губу, чтобы не засмеяться.

— Мам...

— Что «мам»? — она даже не пытается звучать мягче. — Заодно порадую зятяка.

Вот тут я все—таки смеюсь. Коротко и хрипло.

— Ты невозможна.

— Это у нас семейное, — парирует она.

— Не устраивай ничего, ладно?

— Я? — мама делает оскорбленную паузу. — Алина, я приличная женщина. Я просто приеду, посмотрю, оценю. Возможно, тяжело вздохну ему в лицо.

— Это звучит как угроза.

— Это звучит как материнская поддержка.

Я опускаю взгляд на босые ноги, на холодный пол, на чемодан, который все еще стоит у двери, как нелепое доказательство того, что я собиралась жить иначе уже сегодня. И вдруг понимаю, что внутри стало не легче, но устойчивее. Я не одна, вот в чем разница.

— Ладно, — говорю я. — Приезжай.

— Конечно приеду.

— Только без пирога.

— Почему?

— Потому что, если ты приедешь с пирогом, это будет выглядеть как подготовленное наступление.

— А я и не говорила, что не готовлюсь, — невозмутимо отвечает мама.

Я улыбаюсь уже по—настоящему.

— Все, иди, — говорит она. — И выясни у своего народного избранника, он в мэры собрался или в палату с мягкими стенами.

— Обязательно.

— И, Алина...

— Что?

— Ты не одна в этом дурдоме.

У меня на секунду сжимается горло.

— Я знаю.

— Вот и умница.

Связь обрывается. Я смотрю на потухший экран еще несколько секунд, потом кладу телефон рядом с собой. И впервые с утра понимаю, что хочу выйти из спальни не потому, что надо. А потому, что очень интересно посмотреть в глаза человеку, который, возможно, действительно собрался в мэры.

Потом взгляд сам цепляется за чемодан, и до меня наконец доходит.

А если действительно выборы?

Настоящие. С людьми, камерами, буклетами, интервью и этой особенной городской атмосферой, когда из каждого уг-

ла на тебя смотрит чей—то натянутый кандидатский оскал.

Я медленно выдыхаю — просто прекрасно.

Это он сейчас всерьез решил, что можно взять мой разваливающийся брак, приклеить к нему улыбку скотчем и выдать за семейную ценность? Меня в кадр, Егора в кадр, себя в костюме — и все, можно покорять политические вершины.

У меня даже губы дергаются. Нет, это уже не «мне больно». Это уже чистый исследовательский интерес. Очень хочется посмотреть, как именно ты собираешься повернуть этот цирк, Константин.

Я встаю, натягиваю халат поверх футболки и выхожу из спальни.

На кухне пахнет кофе и поджаренным хлебом. Утро обычного человека, у которого не разваливается семья.

Костя стоит у стола в светлой рубашке, уже застегнутой на все пуговицы, кроме верхней. Рукава опущены, галстук лежит рядом, аккуратно, будто ждет своей очереди. Костя держит чашку так спокойно, словно вчера мы не превратили наш брак во временное соглашение сторон, а просто обсудили список покупок.

Меня это почему—то бесит сильнее всего.

Он поднимает глаза.

— Доброе утро.

Я останавливаюсь в дверях.

— Серьезно?

Он чуть хмурится.

— Что именно?

— Все, — говорю я и подхожу к столу. — Вот это твое лицо. Этот кофе. Эта рубашка. Этот тон. Как будто вчера не брачный кризис случился, а обычный вторник.

— Формально сегодня среда, — замечает он.

Я смотрю на него несколько секунд.

— Иногда мне кажется, что тебя в детстве уронили головой на уголовный кодекс.

Он делает глоток кофе.

— Я так понимаю, ты уже проснулась.

— Нет, Костя, я все еще сплю. И мне снится, что мой муж собрался в мэры.

Пауза.

Он ставит чашку на стол.

— Я рассматриваю такую возможность.

— Рассматриваешь?

— Да.

— А вчера ты говорил так, будто уже принимаешь присягу.

— Я говорил о перспективе.

— А я, — киваю, — вчера говорила о разводе. Но, видимо, у нас были разные приоритеты.

Он пропускает это мимо. Как всегда.

— Решение принято, — говорит он ровно. — Кампания начнется уже завтра.

Я облокачиваюсь на спинку стула и смотрю на него в упор.

— То есть я правильно поняла: ты правда идешь в мэры.

— Да.

— И правда считаешь, что я должна остаться и изображать счастливую жену.

— Я бы не использовал слово «изображать».

Я коротко смеюсь.

— Конечно. Глупое слово. Давай заменим. Что у тебя там? «Формировать устойчивый положительный семейный образ»?

Он выдерживает паузу.

— Примерно.

— Примерно, — повторяю я. — Господи, какой же ты иногда... даже слов приличных не хватает.

Он берет галстук, расправляет его на ладони. Нервничает, я это замечаю по тому, как медленно он двигается. Но лицо у него все такое же собранное, будто мы обсуждаем рабочую поездку.

— Это временная мера, Алина.

— Конечно. Всего—то полгода моей жизни. Или сколько там у тебя на семейную стабильность заложено?

— Это в интересах всех сторон.

Я закрываю глаза на секунду.

— Скажи еще «взаимовыгодное сотрудничество», и я клянусь, я запущу в тебя тостером.

Он чуть склоняет голову.

— Я не думаю, что бытовая техника поможет нашему диа-

логу.

— А твоя политическая карьера, значит, поможет?

Он смотрит на меня прямо.

— Да.

Вот так. Без колебаний, без паузы, без «возможно». Это даже восхищает... где—то очень глубоко... в том темном месте, где обычно живет раздражение.

— А я в этой прекрасной конструкции кто? — спрашиваю я. — Жена? Партнер? Элемент декора?

— Член семьи.

— Спасибо, что уточнил.

— Алина.

— Нет, правда. Очень полезно, а то я уже начала путаться в терминологии.

Он проводит большим пальцем по манжете. Так—так... Значит, все—таки не железный.

— Это нужно пережить спокойно.

— Спокойно? — я смотрю на него почти с нежностью.

— Костя, я вчера собиралась от тебя уходить. А сегодня ты говоришь мне, что я, оказывается, должна красиво остаться.

— Не должна. Но это разумно.

— Для кого?

— Для нас.

— Не ври мне. Для тебя.

Пауза.

Он не отвечает сразу. И этого уже достаточно.

— И для Егора тоже, — говорит он наконец.

Я выпрямляюсь.

— Даже не начинай.

— Я не начинаю, я констатирую факт. Резкий развод в разгар кампании ударит по всем.

— Ах вот оно что. Значит, сын у нас тоже включен в пакет услуг?

— Егор не пакет услуг. Егор мой сын, — повторяет он.

— Надо же, вспомнил. Мне особенно нравится, как у тебя все это звучит. Так тепло. Так по—домашнему. Почти слышу музыку из рекламы майонеза.

Он открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент в прихожей грохает дверь.

Пауза.

Потом знакомый голос:

— О—о—о! Ничего себе. А вы чего оба дома? Меня встречаете, что ли?

Глава 4. Константин

— Привет, — говорю я. Голос звучит бодрее, чем нужно.

— Здравова.

Егор вваливается на кухню боком, с рюкзаком на одном плече, с мятой спортивной сумкой в руке и с лицом человека, который ночь провел в автобусе. Футболка вылезла из джинсов, волосы слиплись.

Он останавливается на пороге, переводит взгляд с меня на Алину и замирает на долю секунды. Этого ему хватает. Подростки всегда чувствуют фальшь раньше взрослых. Егору достаточно трех секунд.

— Так, — говорит он с интересом. — У нас семейный сбор или кто—то умер?

— Егор, — одновременно говорим мы с Алиной.

Он поднимает брови.

— О, синхрон. Страшно даже.

Алина первой приходит в себя.

— Как доехали? — она подается вперед, поправляет халат, и я вижу, как она старается выглядеть естественно. — Ты ел вообще? Как выступили?

Егор ставит рюкзак на пол с таким видом, будто тот весит килограммов сто.

— По порядку или как обычно, в двух словах?

— По порядку, — говорит Алина.

— Доехали ужасно. Ел плохо. Выступили нормально. Но жуть как устал и хочу спать.

Я отодвигаю чашку с кофе и уточняю:

— Какой результат?

Егор смотрит на меня.

— Нормальный, пап. Мы не на допросе.

Я пытаюсь включиться, а получается допрос... как всегда.

— Я не веду допрос. Я просто спрашиваю.

— Я третий.

— Почему не первый?

— Пап, потому что первый Муха.

— Что еще за прозвища? — возмущается Алина.

— Ой, все, не начинай. — Егор отмахивается и замечает клетку с Аркадием, накрытую покрывалом.

— А чего этого закрыли? — спрашивает он. — Он вчера что—то не то сказал? Или вы просто удалили свидетеля из зала суда?

Он снимает покрывало одним движением.

Попугай оживает сразу. Встряхивается, топорщит перья. Оглядывает кухню. Сначала на меня. Потом на Алину. Потом на Егора.

— Суд идет! — кричит он. — Встать, суд идет!

Егор смотрит на нас. Усмехается.

— Ну, хоть кто—то тут не притворяется.

— Развод! — не унимается пернатый. — Развод!

Егор кивает с уважением.

— А, ну все, дома ничего не изменилось.

Меня раздражает не его тон. Меня раздражает, что он говорит это так, будто привык. Как будто развал нашей семьи не катастрофа, а домашний фон.

— Очень смешно, — говорю я.

— Я стараюсь.

— Мы не разводимся, — говорю я.

— Ой, ладно, сегодня не разводитесь, завтра разводитесь, — отмахивается Егор. — Надоели ваши качели.

Он разворачивается и направляется к двери.

— Твой отец идет в мэры – сообщает ему Алина.

Я собирался сказать это иначе. Спокойно. По порядку. С аргументами. Но с этой семьей любой план живет ровно до первой реплики.

Егор замирает и медленно разворачивается.

— Что? Ты серьезно? – обращается ко мне.

— Да. – отвечаю.

Он переводит взгляд на Алину.

— А какое отношение это имеет к разводу? – спрашивает ее.

— Кандидату нужна идеальная семья, — сухо отвечает она.

— Нормально, — кивает он. — Это по адресу. Это про нас.

Пауза.

Потом в его глазах появляется тот самый подростковый

прагматичный блеск, который невозможно спутать ни с чем.

— Подожди. Если ты станешь мэром... — он смотрит на меня уже иначе, прикидывая. — Мне можно будет пару вопросов в школе порешать? А то там охранник конченный, реально.

Вот это уже мое. Шок закончился, начались расчеты.

— Нет.

— Жаль. А я уже начал видеть плюсы.

— Егор.

— Что? Сын мэра — звучит, конечно, максимально кринжово. Но в целом может быть полезным.

— Костя — козел, — утверждает Аркадий.

— Да, но теперь, видимо, перспективный, — заключает Егор и тянется за печеньем.

Я смотрю на сына, который уже приспособливается к абсурду, и на Алину, которая сжимает край столешницы так, будто все еще выбирает между тостером и самоконтролем. Из них двоих опаснее не подросток.

Разговор уходит не туда. Вернее, туда, где им всем привычнее — в хаос. Я делаю то, что умею лучше всего: возвращаю его в структуру.

— Завтра в офисе будет фотосессия.

Егор поднимает голову.

— Какая еще фотосессия?

— Для кампании. Фото, буклеты, все остальное.

— А—а, — говорит он. — Конечно. Почему бы и нет.

После “я иду в мэры” это звучит даже скучно.

— Нужна семья, — продолжаю я. — Ты и мама. Без опозданий и, желательно, без сюрпризов.

Сын смотрит на меня, потом на мать, потом снова на меня.

— Подожди, — говорит он. — То есть вы сейчас всерьез собираетесь делать вид, что все нормально?

Я выдерживаю его взгляд.

— Я собираюсь сделать то, что необходимо.

— О, — кивает он. — Понял. Мы в жанре плохого sitcomа.

Алина тихо, почти ласково уточняет:

— Тебя что именно удивляет? Что он идет в мэры или что мы вдруг нужны ему в комплекте?

— Меня удивляет ваша скорость, — честно отвечает Егор. — Вчера развод, завтра семейная фотосессия. Вы оба психи, но папа чуть системнее.

— Спасибо, — говорю я.

— Это не комплимент.

— Я понял.

Сын откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди, разглядывает нас с таким видом, будто оценивает шансы проекта на выживание.

— Я в это не играю, — говорит он.

Я не хочу давить, но времени на деликатность нет.

— Играешь, — отвечаю я.

— С чего вдруг?

— С того, что ты часть семьи.

— Вот это сейчас манипуляция.

— Это сейчас факт.

Егор прищуривается. Совсем немного. Он может спорить и дальше, но уже понимает, что я не шучу.

— Ладно, — говорит он наконец. — Если там будет нормальный фотограф, я хотя бы аватарку обновлю.

Аркадий довольно переступает на жердочке.

— Слушание откладывается!

— Вот именно, — бормочет Егор и встает со стула. — До завтрашнего цирка.

Я поворачиваюсь к Алине.

Она смотрит на меня слишком спокойно. Значит, все действительно плохо.

— Отлично, — говорит она.

Пауза.

Я уже знаю, что сейчас будет что—то неприятное, но не успеваю просчитать форму.

— Тогда завтра придет мама.

Я замираю. Вот теперь мне по—настоящему хочется вернуть разговор к разводу.

Он хотя бы выглядел проще.

— Что?

Егор медленно присаживается на стул.

— О—о—о, — говорит он с уважением. — А вот это уже

серьезная предвыборная технология.

— Ты хотел семью? — Алина поднимает бровь. — Будет тебе семья. Полным комплектом.

— Алина...

— Что «Алина»? — она встает. Поправляет халат. — Ты сказал: идеальная семья. Ты получишь идеальную семью. В полном составе.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня. Я вижу, что она не шутит.

— Это не смешно, — говорю я.

— А твоя фотосессия? — она наклоняет голову. — Это смешно?

Я молчу.

Она разворачивается и идет в спальню.

— Батя, удачи тебе, — говорит Егор с иронией, встает и уходит следом.

Аркадий расправляет крылья и торжественно орет:

— Суд идет! Суд идет!

И я впервые за утро понимаю, что контролирую ситуацию не полностью. Не критично. Но уже заметно меньше, чем десять минут назад.

Я тянусь к чашке автоматически и только потом замечаю, что пить больше не хочется.

Завтра фотосессия.

И теща.

Такой порядок событий я не планировал.

Глава 5. Алина

Я вылетаю из дома так, будто за мной закрывается дверь камеры. Кофе в термокружке, сумка через плечо, папки с документами, ключи от машины — все это еле умещается в руках, пальцы сомкнулись намертво. Бегу, каблуки проваливаются между брусчаткой, я даже не успеваю злиться, потому что каждое движение — это просто «не упасть, не упасть, не упасть». Кто вообще придумал выкладывать брусчатку на придомовой территории? Добираюсь до машины, выдыхаю, нажимаю кнопку ключа, и в этот момент термокружка выскальзывает из—под локтя, падает под ноги, и крышка открывается. Теплый кофе разливается по туфлям, по колготкам, затекает между пальцев. Черт. Черт. Черт. Я замираю, смотрю на это безобразие и почему—то первая мысль: спасибо, что не на блузку и не на юбку. Хотя колготки тоже жалко. И туфли. И утро.

В машине есть запасные колготки. Всегда есть. Жизнь научила. Сажусь на водительское сиденье, закрываю дверь, стаскиваю туфли. Колготки липнут к ногам, пальцы соскальзывают, резинка трещит. Господи, мне почти сорок лет, а я танцую ритуальные танцы в машине, пытаюсь переодеть колготки. Упираюсь в руль, локтем задеваю зеркало, проклиная все на свете. Надеваю сухие, выдыхаю, прижимаюсь затылком к подголовнику. Секунда тишины. Потом достаю теле-

фон и пишу сообщение помощнице.

Алина: «Буду минут через двадцать. Чуть задержусь».

Отправляю. И сразу пишу в чат волонтеров:

Алина:«**Все коробки складываем в восьмом кабинете. Сегодня инвентаризация и распределение**».

Пальцы летают по экрану, я не смотрю на клавиши, знаю наизусть. Откидываюсь на сиденье. Глаза закрыты. Выравниваю дыхание. Считаю про себя. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Вот уже десять лет два раза в неделю я приезжаю в отделение общественного движения «Женсовет». Мы помогаем людям в трудной жизненной ситуации. Работа не оплачивается. Никто меня не заставляет, но там я нужна. Там я не «жена», не «мать», не «крепкий тыл». Там я Алина Викторовна. Та, кого боятся бюрократы и ждут женщины с детьми.

Завожу машину. Двигатель оживает с глухим, привычным звуком. Выезжаю на дорогу, и город за окном начинает течь привычной чередой — светофоры, переходы, витрины. На втором перекрестке приходит сообщение от Иры: «**Ты видела новости?**» и ссылка. Я открываю на красный, успеваю пробежать глазами.

Короткая заметка в городских новостях. Без подробностей. Без комментариев. Просто: «Юрист Константин Громов выдвигается в мэры. За плечами — успешные дела, поддержка областной администрации и, что важно, надежная семья».

Надежная семья.

Я сжимаю руль сильнее. Почему—то именно это цепляет сильнее всего. Смотрю на экран. Фыркаю — коротко, нервно, срываюсь на выдох. Закрываю телефон, кладу на пассажирское сиденье.

У входа в центр паркуюсь. Вхожу.

Запах — как всегда: чай, бумага, детский крем, принтер и еще что—то неуловимое, что я называю «жизнь». В холле суета: кто—то спорит у стойки из—за документов, волонтер тащит коробку с канцтоварами и одновременно пытается поймать упавшую папку.

Ира встречает меня у входа. Лицо у нее такое, будто она только что разнимала драку и успешно проиграла.

— Слава богу, — говорит она. — У нас истерика.

Я не останавливаюсь, иду сразу к себе, она за мной.

— Отлично, — говорю я. — Значит, утро прошло не зря.

— Ты не поняла. Наташа сейчас расплачется при всех, потому что юрист из администрации сказал, что наши документы «недостаточно обоснованы». Я пыталась ее успокоить, но ты же знаешь Наташу. Она начинает плакать, когда кто—то говорит «нет». А если ей сказать «нет, но мы попробуем еще раз», она начинает плакать сильнее.

Я захожу в свой кабинет, бросаю сумку на стул.

— Скажи Наташе, чтобы не плакала. Скажи, что я сама позвоню в администрацию. И пусть она выдохнет и сделает чай. Всем. И себе.

— А ты?

— Я разберусь с документами.

Ира кивает и выходит. Я остаюсь одна. В кабинете пахнет моим любимым маслом для диффузора — цитрусы и что—то деревянное.

На столе кипа бумаг. Заявления, отчеты, списки, сметы. Все важно. Все требует решений. Здесь нет места «надежным семьям» и «крепким тылам». Здесь есть женщины, которые приходят с историями, которые не влезают в новостные заметки.

Я сажусь, открываю первую папку. Пальцы сами набирают номер администрации.

— Доброе утро, это Алина Громова из «Женсовета». Мне нужен Игорь Сергеевич. По вопросу документов.

Пауза.

— Да, я подожду.

Смотрю в окно. На улице серое небо, мокрый асфальт, женщина с коляской пытается зайти в дверь, и кто—то из наших волонтеров уже бежит открывать.

— Игорь Сергеевич, здравствуйте. У нас проблема. Ваш юрист сказал моей сотруднице, что наши документы «недостаточно обоснованы». Я хочу понять: это недостаточно обосновано для вас или для отчета, который вы никому не покажете?

Я чувствую, как внутри что—то выпрямляется. Не злость. Не ярость. Просто — я здесь. Я умею это делать. Этого у

меня не отнять.

И ни одна новость про «надежную семью» не отменяет того, что я знаю свое дело.

Через десять минут разговора выясняется, что «недостаточно обосновано» означает «мы забыли посмотреть ваши документы, но теперь посмотрим». Игорь Сергеевич обещает перезвонить. Я не верю, но записываю время в блокнот. Буду звонить сама. Через два часа.

Кладу трубку.

В дверь стучат. Не успеваю сказать «да», как Наташа влетает с чашкой чая.

— Там какая—то женщина пришла, — говорит она и ставит чай на стол. — Говорит, что у нее проблема с жильем. Я сказала, что ты занята, но она ждет. Уже полчаса.

— Зови.

Наташа уходит. Я делаю глоток чая. Горячий.

В кабинет заходит женщина лет пятидесяти. В пальто, которое видало лучшие времена. Смотрит на меня с надеждой и недоверием одновременно.

— Алина Викторовна?

— Да. Присаживайтесь.

Она садится на край стула. Пальцы сжимают сумку.

— Мне сказали, вы поможете.

— Постараюсь. Рассказывайте.

Через несколько минут женщина выходит с бумажкой для Иры, которую я нацарапала на обороте старого отчета: «По-

звонить в ЖЭК—3, написать запрос, если не ответят — выйти на главного инженера через знакомую из департамента».

Она смотрит на меня так, будто я уже все для нее уладила.

На самом деле я просто знаю, кому звонить. Этот список собирался десять лет. По крупицам. По знакомствам. По одолжениям, за которые потом приходилось платить.

Я выхожу в коридор и почти сразу натыкаюсь на Наташу. Она стоит с планшетом и лицом человека, который только что узнал, что земля плоская.

— У нас проблема, — говорит она.

Я иду за ней в общий зал. Там, у окна, сидит девушка лет двадцати пяти с ребенком на руках. Ребенку месяцев восемь, не больше. Девушка смотрит в одну точку. Сумка у ног с вещами. Я узнаю этот взгляд. У нас тут часто бывают такие взгляды.

— Она пришла полчаса назад, — шепчет Наташа. — Говорит, что выгнали из съемной квартиры. Соседка приютила на ночь, но дальше некуда. Кризисная квартира занята.

Я смотрю на девушку. На ребенка, который спит, прижавшись к ее плечу. На ее пальцы, которыми она гладит его спинку — машинально, как будто это единственное, что она еще умеет.

— Дай мне телефон соцзащиты.

— Я уже звонила, — Наташа не двигается. — Они сказали, что для срочного размещения нужна справка из полиции.

— Справка делается три дня.

— Я знаю.

— А куда ей с ребенком на три дня?

— Не знаю.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Я знаю, что она все сделала. Я знаю, что сейчас моя очередь.

— Дай телефон.

Наташа протягивает планшет. Я листаю контакты, нахожу нужный. Нажимаю вызов.

Длинные гудки. Потом усталый женский голос, который бывает у людей, когда они целый день говорят «нет».

— Социальная защита, Марина Викторовна.

— Марина Викторовна, здравствуйте. Это Алина Громова из «Женсовета» У нас ситуация.

— Какая?

Я коротко пересказываю. Девушка. Ребенок. Выселили. Некуда.

Марина Викторовна молчит. Я слышу, как она переключает бумаги. Как вздыхает.

— Алина Викторовна, я понимаю. Но у нас нет мест.

— Я знаю. Мне нужно на несколько дней.

— Тем более. Кризисная квартира занята.

— А если я найду, куда ее пристроить на время, вы возьмете дальше?

Пауза.

— Если документы будут в порядке.

— Какие документы?

— Ну... — она тянет. — Справка из полиции. Паспорт. Свидетельство о рождении. Заявление. И направление от нас.

— То есть чтобы получить направление от вас, ей нужна справка из полиции. А чтобы получить справку из полиции, ей нужно направление от вас?

— Алина Викторовна, я не придумывала правила.

— Я знаю. Я просто уточняю, правильно ли я понимаю абсурд.

На том конце провода тишина. Потом Марина Викторовна говорит тише:

— Слушайте. Если вы найдете ей место на пару дней, я оформлю документы задним числом. Но вы меня не называйте.

— Я никогда вас не называю.

— Я знаю.

Я сбрасываю звонок. Наташа смотрит на меня с надеждой, которую я не заслужила.

— Места нет, — говорю я.

— А ты звонила...

— Я звонила узнать, что места нет официально.

Наташа хмурится. Потом понимает.

— О. Я сейчас.

Она уходит в свой кабинет. У нее там тоже список. У всех нас есть списки. Людей, у которых есть диван на одну ночь.

Или соседка, которая не откажет. Или знакомая, у которой была похожая ситуация и которая теперь возвращает долг, потому что когда—то мы ей помогли.

Я подхожу к девушке. Сажусь рядом. Она смотрит на меня. Глаза сухие, но я знаю, что это ненадолго.

— Как вас зовут?

— Оля.

— Оля, мы сейчас что—нибудь придумаем. Вы чай будете?

Она кивает. Я делаю знак волонтеру, который уже стоит с чайником. Он приносит кружку. Оля берет ее, и я вижу, как ее пальцы дрожат. Она не пьет. Просто греет руки.

— Ребенка как зовут?

— Миша.

— Хорошее имя.

Она смотрит на сына. Тот спит. Не просыпается.

— Я не знаю, что делать, — говорит она тихо. — Я никому не нужна.

— Это не так.

— Я уже всем звонила. Никто не может.

— Я могу.

Она поднимает глаза. В них — то самое, от чего я до сих пор не научилась отворачиваться. Надежда, которая боится поверить.

— Правда?

— Правда. Но не быстро. Придется подождать.

— Я умею ждать.

Я улыбаюсь. Коротко.

— Тогда выпейте чай. Он остынет.

Оля делает глоток. Потом еще один. Ребенок шевелится, она начинает его укачивать, и я вижу, как ее плечи понемногу опускаются. Не расслабляются, просто перестают быть на уровне ушей.

Наташа возвращается через пять минут. Кивает мне из коридора.

Я встаю, подхожу к ней.

— Есть одна женщина, — говорит она тихо. — У нее комната свободна. Сказала, что может принять на пару дней.

— На пару дней — это хорошо. А дальше?

— Дальше будем думать.

Я киваю. Возвращаюсь к Оле.

— Нашлось место на пару дней. Потом посмотрим.

Она смотрит на меня. Ее губы дрожат. Она не плачет. Я вижу, что она сдерживается из последних сил.

— Спасибо, — говорит она.

— Не за что. Потом тоже кому—нибудь поможете.

Она кивает. Я помогаю ей собрать сумку. Ребенок просыпается, смотрит на меня мутными глазами, потом снова засыпает. Наташа уже пишет адрес, объясняет, как пройти. Оля слушает, кивает, но я вижу, что она почти не понимает. Она просто держится.

Я провожаю ее до двери. На пороге она оборачивается.

— Спасибо вам.

Я улыбаюсь и киваю.

Они уходят, а я стою у двери и думаю не о том, что помогла. А о том, что это опять не решение. Просто еще одна отсрочка.

А завтра придет новая Оля. Или через неделю. И ты снова будешь звонить, просить, уговаривать, искать диваны и справки, которых нет, и правила, которые придумали люди, которые никогда не держали на руках чужого ребенка в чужой квартире.

Я возвращаюсь в кабинет. На столе новая папка. Сверху стикер от Иры: «Юрист опять не пришел. Консультации перенесены. Звонила женщина из Пушкино, сказала, что у нее все горит, я записала на пятницу, но она, кажется, не доживет до пятницы. Городская субсидия до сих пор не переведена. В районной комиссии потеряли письмо. То, которое мы отправляли заказным. С уведомлением. И которое они подписали».

Я смотрю на стикер. Потом на папку.

Через час я уже вхожу в ритм. Звонки, бумаги, люди, вопросы, которые начинаются с «Алина Викторовна, вы не могли бы...» и заканчиваются «...ну, тогда мы надеемся только на вас». Я киваю, подписываю, уточняю, перезваниваю. Чай давно остыл, но я все равно пью. Вкус потерян, но нужен сам процесс — держать что-то в руках, пока решаешь чужие судьбы.

В кабинет заглядывает новая волонтерка. Молодая, в модных очках, с блокнотом, в который она, кажется, записывает все подряд. Я ее видела мельком — Ира кого—то приводила на стажировку. Она стоит в дверях, мнется.

— Алина Викторовна?

— Да.

— Я... извините, что отвлекаю. Я просто хотела... ну, в общем, я вас узнала.

Я поднимаю голову от бумаг. Жду.

— Вы же жена Константина Громова?

— Да, Константин Громов мой муж, — отвечаю я.

— Я просто... — она смущается, перебирает блокнот. —

Просто сегодня утром в новостях писали, что ваш муж идет в мэры. Я сразу подумала: надо же, какое совпадение, мы тут у вас, и вдруг такое. Вы, наверное, теперь будете вопросы решать еще быстрее, да?

Я смотрю на нее. Она искренняя. Она думает, что делает комплимент. А я слышу старое, привычное: не сама, а чья —то.

— Да, конечно, — говорю я. — Все мои заслуги официально вступят в силу после его инаугурации.

Она смеется. Не понимает. Кивает, что—то записывает в свой блокнот и выходит.

Я остаюсь одна. Смотрю на закрытую дверь. Чувствую, как внутри поднимается что—то. Не злость. Злость была бы продуктивней. Это другое. Это то, что накапливается го-

дами, когда тебя каждый раз представляют через кого—то. Чью—то жену. Чью—то дочь. Чью—то мать. И никогда — просто тебя.

В кабинете становится тихо. Я смотрю на список звонков. Вера Сергеевна. Марина Викторовна. Еще три номера из департамента, которые я набирала, потому что «это не мой вопрос, перезвоните другому». Четыре обещания «мы посмотрим». Ноль результатов.

Квартиру нашли. Но это не решение. Это латание дыр. Я делаю это десять лет. Латаю. И каждый раз думаю: может, в следующий раз система сработает сама. Не срабатывает.

Я беру телефон. Набираю номер, который знаю наизусть.

— Департамент социальной политики, — голос равнодушный, как автоответчик.

— Мне нужен Александр Дмитриевич.

— Его нет.

— А когда будет?

— Не знаю.

— Тогда дайте кого—нибудь, кто отвечает за программу кризисного размещения.

— Секунду.

Я жду. Слышу, как на том конце провода переключают бумаги. Как кто—то смеется. Как жизнь идет своим чередом.

— Алло. Слушаю.

Новый голос. Женский. Тоже равнодушный, но чуть живее.

— Здравствуйте. Это Алина Громова из «Женсовета». У меня вопрос по кризисной квартире.

— По какой именно?

— По той, которая стоит пустая уже три месяца. На Ленина, 17.

Пауза.

— А откуда вы знаете?

— Потому что я звоню по ней каждый месяц. И каждый месяц мне говорят: «Ждем согласование».

— Ну, ждем.

— Три месяца?

— Алина Викторовна, я понимаю ваше возмущение. Но у нас есть процедура.

— Какая процедура? Квартира готова. Мебель завезли полгода назад. Ремонт сделан. Ее можно использовать. А она стоит.

— Это не ко мне вопрос.

— А к кому?

— К тем, кто согласовывает.

— Кто именно?

Молчание. Я слышу, как она вздыхает. Как набирает воздух, чтобы сказать то, что говорит не в первый раз.

— Понимаете, программа кризисного размещения... она сейчас на паузе.

— В каком смысле?

— Бюджетные средства перераспределены. Временно. На

другие направления.

Я закрываю глаза. Прислоняюсь к спинке стула.

— Какие направления?

— Ну... социальная реклама. Информирование граждан.

— То есть вместо того, чтобы дать крышу женщинам с детьми, вы печатаете брошюры?

— Алина Викторовна, я не принимаю эти решения.

— А кто принимает?

Она молчит. Я знаю, что она не скажет. Или не может, или боится. Или просто устала так же, как я.

— Спасибо, — говорю я. — Я сама найду.

Кладу трубку. Смотрю на телефон. На свои пальцы, которые сжимают его до боли.

Десять лет. Я знаю эту систему изнутри. Я знаю эту систему слишком хорошо.

По бумагам она спасает. На деле заставляет искать диван на пару ночей.

Деньги перекидывают из одной статьи в другую. Обещания дают на камеру. Отчеты пишут красивые. А женщины с детьми ночуют у соседок. И я каждый раз ищу диваны. Звоню. Уговариваю. Латаю.

Я думаю о Косте. О том, как легко он будет решать вопросы, когда станет мэром. Ему просто позвонят и скажут: «Константин Петрович, для вас все готово».

А я сижу здесь. И выцарапываю этот город из бумажной

волокиты. Потому что, если я перестану — все рухнет. Не система. Система не рухнет. Система будет работать дальше. Будет перекидывать деньги, печатать брошюры, писать отчеты. А люди будут спать на полу.

Телефон вибрирует и возвращает меня в реальность. Смотрю на сообщение от предвыборного штаба Кости:

«Алина, добрый день! Готовим материалы для пресс—релиза. Нам важно подчеркнуть ваш естественный вклад в атмосферу семейной устойчивости кандидата. Не могли бы вы прислать пару фотографий с последних мероприятий? Желательно, где вы вместе с Константином Петровичем. Спасибо!»

Я смотрю на экран. На слова «естественный вклад в атмосферу семейной устойчивости». Кто это пишет? Кто вообще так разговаривает? И почему я должна быть «вкладом»?

Я смотрю на слова «естественный вклад в атмосферу семейной устойчивости». Кто это пишет? Кто вообще так разговаривает? И почему я должна быть «вкладом»?

И вдруг понимаю, что меня уже начали упаковывать. Даже не спросив.

Медленно выдыхаю и закрываю сообщение. Не отвечаю. Кладу телефон экраном вниз. Смотрю в окно.

Я слишком долго была удобной.

Глава 6. Константин

— Константин Петрович, доброе утро.

Лариса встает из—за стола в ту же секунду, как я вхожу, будто была к этому готова заранее. На ней светлая блузка с вырезом глубже, чем допускает рабочее утро, и юбка короче, чем позволяет здравый смысл. Я замечаю это сразу. Не заметить мог бы только слепой.

И именно поэтому никак это не комментирую.

— Доброе, — отвечаю я и прохожу мимо.

На моем столе уже лежит толстая папка с синим стикером:

СЕМЕЙНЫЙ БЛОК

Я останавливаюсь на секунду.

Потом снимаю пальто, вешаю на спинку кресла, кладу телефон рядом с ежедневником и только после этого открываю папку.

Биографическая справка. Выписки из старых интервью. Черновик текста для пресс—релиза. Перечень мероприятий на ближайшие две недели с пометками: *семья желательно, семья обязательно, жена в кадре, живой домашний акцент.*

Живой домашний акцент.

Я медленно переворачиваю страницу.

На третьем листе подборка снимков: я, Алина, Егор. Официальные, старые, домашние. Фотография с победой Егора в городской олимпиаде. Две с какого—то благотворительного

ужина. Одно фото с новогоднего приема, где Алина улыбается в камеру, а я смотрю в сторону, будто уже думаю о другом помещении, в котором должен быть через пять минут.

— Я отсортировала основные варианты, — говорит Лариса у двери. — И попросила Максима прислать архив по семейным мероприятиям. Там, правда, не так много материала.

— Вижу, — говорю я, не поднимая головы.

Это звучит суше, чем нужно. Но сегодня мне не хочется быть мягче необходимого.

Лариса входит, ставит на стол кофе и разворачивает ко мне еще одну папку, тоньше.

— Здесь предварительный план по завтрашней съемке. Фотограф подтвержден. Визажист тоже. Я подумала, что лучше сразу выстроить линию семейного образа, чтобы потом не собирать ее кусками.

Я поднимаю взгляд.

— Сразу?

— Это рационально, — говорит она, слегка улыбаясь. — Учитывая, что времени мало.

Рационально.

С утра это слово преследует меня с какой—то почти издевательской настойчивостью.

Я делаю глоток кофе. На секунду хочется просто сидеть молча и смотреть в окно. Но папка на столе напоминает: молчание — роскошь. Особенно когда ты сам загнал себя в си-

туаацию, где семейный кризис нужно оформлять в пресс—
кит.

— Максим у себя? — спрашиваю я.

— Да. Позвать?

— Через пять минут.

Лариса кивает, но не уходит. Стоит у стола так, будто ждет, когда я сам спрошу ее мнение. Не хочу, но приходится.

— Что еще?

Она оживляется.

— Я свела в одну папку все, что прислал штаб, — говорит Лариса, раскладывая бумаги и наклоняясь вырезом чуть ниже, чем следовало бы. — И добавила несколько соображений от себя. Политтехнолог утром прислал общую рамку по семейному блоку, но там пока все довольно сыро.

Конечно, думаю я, сыро. И Лариса уже решила, что лучше всех знает, как это досушить.

Вот теперь я поднимаю глаза полностью.

— Каких именно соображений?

— Не по существу, — быстро уточняет она. — Скорее по подаче. По визуальной логике. По тому, как лучше встроить ее в семейный контур.

Встроить.

Я молчу. Лариса принимает молчание за разрешение.

— У Алины Викторовны сильный типаж, — начинает она профессионально, почти мягко. — Это само по себе хорошо. Но если мы говорим именно о семейном блоке, я бы смести-

ла акцент. Чуть меньше общественной резкости, чуть больше домашнего тепла, спокойствия.

Я слушаю молча.

Все это я уже слышал. В других словах. В своей собственной голове. И только сейчас, произнесенное чужим голосом, это звучит по—настоящему мерзко.

Я ставлю чашку очень аккуратно.

— Продолжайте.

— Например, не делать упор на ее жесткие фото с мероприятий. Не брать кадры, где она с документами, в активной позиции, спорит, что—то требует, ведет. Это дает ненужное напряжение в кадре. А нам нужна семья, а не спор характеров. Чтобы рядом с вами считывалась не вторая сильная фигура, а тепло, поддержка, дом.

Каждое слово формально безупречно.

— Сильная женщина рядом с кандидатом — это хорошо, но лучше дозировано, — говорит Лариса.

Слово «дозировано» она произносит с особой аккуратностью. И вот это уже не из штаба и не из методички. Не из общей рамки. Это лично ее вкус. Ее представление о том, какой должна быть женщина рядом со мной.

— В кадре не должно быть ощущения конкуренции, — продолжает она. — Нужна поддержка, тепло, правильный баланс.

От этого только хуже.

— И что вы предлагаете? — спрашиваю я.

— Больше семейных акцентов, — Лариса листает свои бумаги. — Сын. Совместные кадры. Более теплая одежда. Более мягкий визуальный ряд. Можно чуть увести Алину Викторовну от общественной линии в сторону личной — дети, дом, семейные мероприятия. Это считается лучше.

Я смотрю на нее несколько секунд. Достаточно долго, чтобы улыбка у нее стала осторожнее.

— Считывается кем?

— Избирателем, — отвечает она уже тише.

— То есть, — говорю я, — вы предлагаете сделать мою жену удобнее.

— Нет, что вы. Я предлагаю смягчить.

Пауза.

— Скорректировать акцент.

— Чтобы она не выглядела слишком самостоятельной рядом со мной?

Лариса моргает. Один раз. Потом второй.

— Я бы не формулировала это так.

— А как бы вы это формулировали?

Она расправляет плечи. Держится. Молодец.

— Я бы сказала, что в семейном образе важен баланс. Избирателю должно быть комфортно. У него не должно возникать ощущения конфликта внутри пары.

Я откидываюсь на спинку кресла.

Вот оно.

Та же логика. Моя. Только вынутая изнутри, очищенная

от моих оправданий и сказанная чужим голосом.

Нам нужен комфорт, нужен баланс, нужна правильная картинка. Чуть меньше ее, чуть больше удобства, чуть мягче, чуть теплее, чуть тише.

И если назвать это профессионально, почти никто даже не заметит, что на самом деле речь идет о человеке. О том, чтобы человека подвинуть в сторону, если он занимает в кадре слишком много места.

Я смотрю на фотографию в папке. Алина на каком—то мероприятии в центре. Волосы собраны, рука на папке, взгляд прямой, собранный. Она там живая. Настоящая. Злая, если надо. Упрямая. Неудобная. Именно поэтому ее невозможно перепутать с фоном.

Пауза. Пальцы на секунду замирают на краю стола.

— Нет, — говорю я.

Лариса слегка хмурится.

— Простите?

— Ничего не смягчать. Ничего не корректировать. И точно ничего не уводить.

— Но если мы—

— Лариса.

Она замолкает.

Я говорю спокойно. Даже слишком спокойно.

— Алина не нуждается в доработке. И не является элементом упаковки. Оставьте факты. Без стилизации.

Лариса держит лицо. Но я вижу, как у нее чуть напряга-

ется подбородок.

— Я хотела как лучше.

— Я не сомневаюсь.

— Просто иногда со стороны виднее.

— Вот это меня и не устраивает.

Пауза.

Она кивает. Чуть резче, чем обычно.

— Поняла.

Максим стучит в дверь и тут же просовывает голову в кабинет.

— Шеф, можно?

— Заходи.

Он заходит с планшетом, двумя распечатками и выражением лица человека, который уже знает, что день будет длинным, но еще надеется, что не очень унижительным.

— У нас подтвержден фотограф на завтра, — говорит он. — По времени предлагает десять тридцать. Пятнадцать минут на постановку, потом семья, потом индивидуальные кадры.

— Где?

— В малом зале на третьем. Там свет нормальный, фон можно быстро поменять. — Максим листает планшет. — Базово: вы, Алина Викторовна и Егор. По времени укладываемся.

— И Людмила Павловна, — говорю я.

Максим замирает.

— Простите?

— Завтра придет теща.

Пауза.

Он очень медленно опускает планшет, как человек, которому только что сообщили о технической неисправности, не предусмотренной инструкцией.

— Ясно, — говорит он наконец. — Тогда это уже не базовый состав.

Лариса поджимает губы.

— Теща — это риск, — говорит она. — Непредсказуемая энергетика. На семейной съемке лучше избегать...

— Поздно, — говорю я. — Она придет.

Максим кивает так, будто подтверждение катастрофы лучше самой катастрофы.

— Ясно. Тогда нужно будет либо встроить ее как часть расширенной семьи, либо ограничить присутствие.

— Попробуй ограничить Людмилу Павловну, — говорю я.

Он смотрит на меня очень серьезно.

— Не буду.

— Правильно.

На секунду в кабинете становится почти тихо. Потом Максим листает планшет, и я вижу, как он собирается с духом. Это видно по тому, как он пролистывает одну страницу, потом другую, потом возвращается обратно.

— Есть еще одна идея.

— Уже опасно, — замечаю я.

— Возможно. Но если смотреть чисто с точки зрения живости кадра...

Он выдерживает паузу. Зря. От этого его идеи никогда не становятся лучше.

— Попугай, — говорит Максим.

Лариса смотрит на него с недоумением.

— Что?

— Попугай. Аркадий. Он может сработать как домашний акцент. Живой, узнаваемый, неформальный. Семья, уют, все такое. Если посадить его Егору на руку или оставить где-то в кадре, будет цеплять взгляд.

Я молчу секунду.

— Для фото — возможно, — говорю я. — Но только без журналистов.

Максим кивает быстрее, чем обычно.

— Это и так закрытая съемка. Только фотограф, визажист и свои.

— Хорошо, — говорю я. — Потому что в кадре его реплики никого не интересуют. А вот если рядом окажется хоть один диктофон, мы получим не семейный блок, а головную боль от конкурентов.

Максим хмыкает и опускает взгляд в планшет.

Лариса уже прокручивает идею дальше:

— Тогда его можно оставить как деталь. Не в центре, а фоном. На спинке кресла, рядом с Егором или в руках у Алины

Викторовны. Это даст ощущение живого кадра.

Я смотрю на нее, потом на Максима.

— Клетку на съемку не тащить, — говорю я. — И если он начнет орать, фотограф снимает молча и без комментариев.

— То есть попугаю быть? — уточняет Максим.

Я делаю короткий вдох.

Теща. Сын. Алина. Теперь еще и Аркадий.

— Попугаю быть, — говорю я.

Лариса молчит, но я вижу, что она мысленно уже раскладывает завтрашнюю съемку по секундам и поправляет чужие лица в воображении.

Я закрываю папку с семейным блоком с тем звуком, который означает: обсуждение закончено.

— Значит так, — говорю я. — Завтра десять тридцать. Без импровизации. Без “смягчений”. Без сюрпризов.

Максим смотрит на меня с сочувствием человека, который искренне хотел бы верить в последний пункт.

— Шеф...

— Что?

— Сюрпризы уже в базовой комплектации.

Я смотрю на него. Потом на Ларису. Потом снова на папку с надписью СЕМЕЙНЫЙ БЛОК.

На секунду мне почти хочется рассмеяться. Не от веселья. От точности формулировки. Блок, действительно. Целый блок факторов, которые я больше не контролирую в той степени, в какой привык.

— Лариса, — говорю я.

— Да?

Я киваю на ее блузку, потом на юбку.

Она не сразу понимает.

— Завтра рабочая съемка. Не прием и не вечернее мероприятие. Оденьтесь сдержаннее.

Пауза выходит короткой, но достаточной.

— Я поняла, — говорит она.

Да, думаю я. Поняли мы оба.

Лариса красивая женщина. Этого никто не отменял. Но когда красоту начинают использовать как инструмент, она быстро теряет эффект.

Она забирает свои бумаги и выходит очень тихо. Максим проводит ее взглядом, потом смотрит на меня.

— Шеф, — говорит он после паузы. — Я сейчас не про дресс—код. Я в целом. Вы в порядке?

Я смотрю на него. Вопрос дурацкий, но, к сожалению, честный.

— Работай, Максим.

— Это не ответ.

— Это указание.

Он вздыхает. Кивает и тоже выходит.

Я остаюсь один.

На столе кофе, ежедневник, папка с семейным блоком и старая фотография, которую кто—то положил сверху всех бумаг. Мы с Алиной и Егором. Лето. Егор еще маленький.

Алина смеется. Я смотрю не в камеру, а на них.

Хороший кадр. Не идеальный, но настоящий. Я беру фотографию, смотрю на нее чуть дольше, чем собирался, и кладу обратно.

До этого момента завтрашняя съемка казалась мне рабочим вопросом. Теперь она все больше напоминает проверку на прочность.

Теща. Егор. Алина. Фотограф. Штаб. И попугай, которого лучше бы вообще не существовало, но он существует и, скорее всего, уже готовит показания.

Я делаю глоток кофе.

Телефон вибрирует. Сообщение от Егора.

Егор: «Бабушка уже приехала. Сегодня пирог с грибами».

Через секунду приходит второе.

Егор: «Про фотосессию я ей ничего не сказал. Я жить хочу».

Я смотрю на экран, потом на папку с надписью «Семейный блок».

Надеюсь, пирог с грибами — это просто пирог. И Людмила Павловна не планирует устранить кандидата до начала кампании.

Глава 7. Алина

Ключ в замке поворачивается ровно в тот момент, когда мама ставит на стол блюдо с пирогом.

— Ну все, — говорит Егор, не отрываясь от телефона. — Кандидат прибыл.

Я сижу у края стола с кружкой чая. Аркадий на спинке стула чешет клювом перо и выглядит так, будто тоже ждет представления. Мама поправляет полотенце на плече и даже не поворачивается к двери сразу. Выдерживает паузу, как человек, который знает цену правильному выходу.

Костя входит в кухню, останавливается на пороге и за долю секунды успевает увидеть все: маму, пирог, меня, Егора, попугая. Я почти физически чувствую, как он собирается в свое обычное: держать лицо.

— Добрый вечер, — говорит он.

— Костя, — мама наконец оборачивается и улыбается так ласково, что мне сразу хочется проверить, не подсыпала ли она что—нибудь в грибы. — А мы уж начали волноваться. Проходи. Мы тут без тебя начали. Не обижайся, но народ уже проголодался.

— Я не специально задержался. Дела.

Мама кивает:

— Конечно. Город сам себя не завоеует.

Егор тихо хмыкает, но продолжает смотреть в телефон.

— Как доехали? — спрашивает Костя у мамы, подходя к столу.

— Прекрасно. Дороги у нас прекрасные. Спасибо, что беспокоишься.

Костя кивает и ослабляет узел галстука. Пальцы двигаются медленно, слишком аккуратно. Значит, устал. Или злится. Или все сразу. Вешает пиджак на спинку стула. Мама уже режет пирог так деловито, будто это не ужин, а дипломатическая встреча.

— Я с грибами сделала, — сообщает она. — Ты же любишь.

Костя смотрит на пирог. Потом на маму.

— Люблю, — говорит он после едва заметной паузы.

— Вот и хорошо. Значит, у нас хотя бы что—то в семье стабильно.

Аркадий расправляет крылья и торжественно орет:

— Суд идет!

Егор не выдерживает, откладывает телефон и ржет в голос.

Костя медленно садится напротив меня. Я вижу, как у него на секунду дергается челюсть. Совсем чуть—чуть, почти не заметно. Но я замечаю.

Мама ставит перед ним тарелку.

— Ешь, Костя. Завтра тяжелый день. Фотосессия, семья, ответственность. Все сразу. Даже жалко тебя.

— Не стоит, — говорит он коротко.

— Да я уже поняла, — кивает мама. — Ты у нас человек сильный. Справишься.

Я беру чашку двумя руками, чтобы не рассмеяться. Горячий фарфор греет пальцы. Костя бросает на меня быстрый взгляд. Заметил. Конечно, заметил.

— Я завтра с вами поеду, — говорит мама, продолжая резать пирог. — Надо же поддержать семейное мероприятие.

— Мам, — произносит Костя очень ровно, — это просто фотосессия.

— Конечно, — она кладет кусок ему на тарелку. — А я просто любимая теща.

Егор снова фыркает. Я делаю вид, что мне срочно нужно поправить рукав.

Костя поворачивается ко мне.

— Алина, — говорит он спокойно, — ты могла бы предупредить, что мама приедет сегодня.

Я открываю рот, но мама отвечает раньше:

— А ты мог бы предупредить, что идешь в мэры. Но, как видишь, вечер все равно как—то состоялся.

Костя замирает на секунду. Потом медленно переводит взгляд с мамы на меня.

— Я не просил, — говорит он негромко, — превращать семейный ужин в совещание.

— А что, — мама поднимает бровь, — ты хотел поговорить о погоде? Или о том, как прекрасен твой галстук? Или сделать вид, что ничего не происходит?

Егор прикрывает рот ладонью. Я смотрю в свою чашку. Аркадий довольно топорщит перья.

Костя делает длинную паузу. Не адвокатскую. Другую.

— Спасибо за ужин, — говорит он наконец. И звучит это почти искренне.

Мама смотрит на него несколько секунд.

— Пожалуйста, — отвечает она проще, чем я ожидала.

Костя берет вилку. Я смотрю на него, на маму, на Егора, который уже залипает обратно в телефон. На Аркадия, который явно разочарован, что никто не обращает на него внимание.

Завтра у нас фотосессия. Сегодня — только репетиция.

Ночью дом наконец затихает, но не успокаивается. Я слышу, как мама возится в гостевой комнате, как Егор роняет что-то у себя и потом шепотом ругается, как Аркадий один раз сонно говорит: «Аркаша хороший», — и снова замолкает.

Костя заходит в спальню поздно, уже после душа, в тишине, будто проверяет, сплю ли я. Я лежу лицом к окну и не шевелюсь. Он несколько секунд стоит у двери, потом забирает с кресла подушку и выходит.

Я слышу, как в кабинете тихо закрывается дверь. А завтра нам нужно будет изображать семью.

Хуже всего то, что мы, скорее всего, справимся.

Меня будит не будильник, а голос мамы из кухни:

— Егор, если ты пойдешь на фотосессию в этой майке, я

лично скажу фотографу, что ты сирота!

Я открываю глаза и несколько секунд лежу неподвижно, пытаюсь понять, хочу ли я вообще вставать в этот день.

Не хочу.

Но за стеной уже слышно, как хлопает дверца шкафа, как Аркадий орет: «Возражаю!», как Егор отвечает ему что—то сонное и нецензурное, а мама, судя по интонации, уже успела взять командование на себя.

Я сажусь на кровати, провожу ладонями по лицу и чувствую, как под ребрами медленно оживает раздражение. Надо встать, умыться и пережить эту фотосессию без уголовных последствий.

В ванной я сталкиваюсь с Костей.

Он уже в рубашке. Волосы еще влажные, рукава закатаны, в руках галстук. Мы оба замираем на секунду, слишком близко для людей, которые вчера собирались разводиться, а сегодня должны улыбаться в объектив.

— Доброе утро, — говорит он.

— Спорный вопрос, — отвечаю я.

Из кухни доносится мамино:

— Алина! Разберись со своим сыном! Он хочет надеть черт знает что.

Я закрываю глаза на секунду.

Костя чуть поворачивает голову в сторону кухни. По его лицу, как всегда, ничего не понять.

— Мама уже включилась? — тихо спрашивает он.

— Не включилась. Возглавила, — так же тихо отвечаю я.

Из кухни что—то с грохотом падает, и тут же раздается голос Егора:

— Я не повезу клетку на коленях! Он тяжелый, злой и слишком много знает.

Аркадий мгновенно подхватывает:

— Развод!

Я перевожу взгляд на Костю. Он смотрит на меня.

И в эту секунду становится окончательно ясно: никакой “подготовки” уже нет. Все началось. Просто фотографа пока не привезли.

Глава 8. Алина

Фотограф оказывается из тех мужчин, которые с первой секунды говорят всем «солнышко», «отлично» и «мы сейчас сделаем красоту», как будто работают не с людьми, с детьми перед утренником.

Я понимаю, что ненавижу его еще до того, как он просит меня встать “чуть ближе к мужу”.

Малый зал на третьем этаже выглядит так, будто не смог определиться: конференция здесь будет или провинциальная свадьба. Световые стойки, белый фон, кресло, диван, высокая ваза с ветками, которые кто—то зачем—то решил назвать “домашним уютом”. На отдельном столике вода, салфетки, пудра, расчески, кабели и клетка с Аркадием.

То есть все уже плохо.

Костя стоит у стены и разговаривает с Максимом вполголоса. В темном костюме, в белой рубашке, с лицом человека, который собирается пережить операцию без наркоза и не доставить этим удовольствия врачам. Егор сидит на подлокотнике дивана, уткнувшись в телефон. Мама оценивающе оглядывает помещение.

Лариса держится рядом с Костей на полшага ближе, чем требует обычная служебная дистанция. На ней темная обтягивающая юбка чуть ниже колен, светлая закрытая блузка, волосы собраны. Но глаза у нее все равно колкие. Особенно

когда смотрят на меня.

— Алина Викторовна, — щебечет визажистка, подлетая ко мне с кистью, — буквально секундочку, я только уберу лишний блеск.

— А если убрать лишний блеск со всей моей жизни? — спрашиваю я.

Она нервно смеется, не понимая, шучу я или нет.

Мама понимает.

— Это не к вам, милая, — говорит она визажистке. — Это к администрации города.

Костя бросает на нас короткий взгляд. Слишком короткий, чтобы считаться вмешательством. Достаточный, чтобы я заметила: он все слышит.

Фотограф хлопает в ладоши.

— Так, мои хорошие, начинаем! Сначала классика. Кандидат, супруга, сын. Потом более живые семейные. Потом расширенный состав.

— Какой еще расширенный состав? — спрашивает Егор, не поднимая головы.

— Это, — говорит мама и расправляет плечи, — видимо, я.

Фотограф смотрит на нее с профессиональным восторгом.

— Обожаю вовлеченных родственников.

— Осторожнее с желаниями, — бормочет Егор.

Я встаю рядом с Костей. Слишком рядом.

Вот это всегда и оказывается самым подлым. Не разговоры, не новости и даже не штаб. А эти несколько сантиметров воздуха, которые тело вспоминает быстрее головы.

Рукав мужа касается моего локтя. Случайно.

Или нет.

Я чувствую запах его одеколона — сдержанный, знакомый до раздражения. В горле почему—то становится сухо. Я скрещиваю руки на груди, но фотограф тут же страдальчески морщится.

— Нет—нет—нет, так мы закрываемся! Нам нужно доверие, тепло, легкость. Давайте руки расслабим. Вы не на бракоразводном процессе.

Из клетки раздается яростное:

— Разво—о—од!

В зале повисает пауза.

Я закрываю глаза на секунду. Егор давится смехом. Максим делает вид, что проверяет что—то в планшете. Лариса смотрит на клетку так, будто готова лично свернуть Аркадию шею.

Фотограф, надо отдать должное, быстро приходит в себя.

— Боже, какая прелесть. Он говорящий?

— К сожалению, — говорит Костя.

— К счастью, — поправляет мама.

Фотограф решает, что это тоже шутка, и смеется один.

— Так, отлично, отлично. Живенько. Мы это любим. А теперь встаньте, пожалуйста, ближе. Константин Петрович,

руку на талию супруге.

Я поворачиваю голову к Косте.

Он смотрит на фотографа так, будто прикидывает, можно ли сломать человеку челюсть без свидетелей.

— Это обязательно? — спрашивает он.

— Для ощущения близости — да.

— Ощущение близости у нас и так богатое, — бормочу я.

— Алина, — тихо говорит Костя, не глядя на меня.

— Что?

— Не сейчас.

— Конечно. У нас же рабочий момент.

Фотограф, не улавливая подводного течения, сияет.

— Вот! Уже отлично. Уже искрит. Супер. Константин Петрович, смелее. Вы же муж.

Ладонь Кости ложится мне на талию.

Я вздрагиваю так незаметно, как только могу. Тело реагирует раньше достоинства. В животе собирается глупое, злое напряжение.

Костя тоже это чувствует — я понимаю это по тому, как на секунду сжимаются его пальцы. Совсем чуть—чуть. Потом он тут же ослабляет хватку. Слишком поздно.

— Отлично, — почти стонет фотограф. — Вот так. Алина Викторовна, посмотрите на мужа. Не в зал, не на меня, а на мужа.

Я медленно поднимаю глаза. Он уже смотрит на меня.

И вот это хуже всего.

Потому что в его взгляде нет ничего показного. Ни натянутой нежности, ни игры, ни дежурной улыбки кандидата. Просто знакомая собранность. Усталость. Контроль. И что—то еще, очень старое, почти забытое: это его внимательное, тихое выражение, с которым он когда—то слушал меня по—настоящему.

На секунду я забываю, где мы.

Фотограф щелкает серией.

— Да, да, да. Вот это не теряем. Очень хорошо.

Лариса делает шаг вперед.

— Может, Алине Викторовне чуть опустить плечи? Сейчас взгляд получается слишком...

— Живой, — перебивает мама.

Лариса поворачивается к ней.

Мама улыбается.

— Простите, я подумала, вы ищете слово “живой”.

Максим резко кашляет в кулак. Я почти слышу, как Костя внутри выдыхает.

Лариса держит лицо.

— Я имела в виду — напряженный, — говорит она.

— Так у нас и ситуация не расслабляющая, — любезно отвечает мама. — Было бы странно, если бы девочка свети-лась счастьем. Мы же не в лотерею выиграли.

Фотограф нервно смеется снова. На этот раз уже осторож-нее.

— Все прекрасно, — говорит он. — Напряжение — это

тоже энергия. Нам важно, чтобы в кадре была правда.

— Вы с правдой поаккуратнее, — советует Егор, не отрываясь от телефона. — У нас ее тут много. Она плохо контролируется.

Аркадий, будто дождавшись реплики, торжественно орет из клетки:

— Суд идет!

Фотограф хлопает себя по бедру.

— Нет, ну это золото. Все, потом сделаем пару кадров с попугаем. Это фирменная деталь. Это запомнится.

Следующий кадр он решает сделать “более домашним”. Это всегда плохая формулировка.

— Так, Егор сюда, ближе к родителям. Нет, не как на экзамен. Расслабленно. Да, вот так. Константин Петрович, можно чуть наклониться к жене. Алина Викторовна, не уходите корпусом. Вы сейчас как будто стараетесь держаться подальше.

— Так и есть, — говорю я.

— Алина, — тихо произносит Костя.

— Что? Я в кадре честная.

Егор, стоя между нами, бормочет:

— Боже, вы реально как плохой ситком.

— Не болтай, улыбайся, — говорит мама сзади.

— Я не умею улыбаться под угрозой, — отвечает он.

— Научись. Взрослая жизнь еще и не такому научит.

Фотограф вдруг меняет тактику.

— Нет, стоп. Все отходят. Мне нужен только муж и жена. Сын потом. Бабушка потом. Попугай потом. Сейчас просто вы двое.

Воздух в зале меняется мгновенно.

Даже Лариса это чувствует.

— Может, сначала семейный общий? — предлагает она слишком быстро. — Чтобы не выбиваться из плана.

— Нет—нет, — отмахивается фотограф. — Здесь есть кадр, его надо ловить. Не мешайте мне.

Костя смотрит на фотографа так, будто мысленно сокращает дистанцию между ними до удара. Я встаю перед белым фоном. Костя рядом. Никого между нами. Никого, кто отвлечет. Никого, на кого можно перевести взгляд.

— Ближе, — говорит фотограф.

Мы не двигаемся.

— Еще ближе. Вы не соседи, вы самые близкие друг другу люди.

У меня что—то дергается под ребрами. Костя делает полшага. Я тоже. Теперь между нами воздуха почти нет.

— Отлично. А теперь не позируйте. Просто посмотрите друг на друга, как будто вам есть что вспомнить.

Вот скотина.

Я поднимаю глаза. Костя уже смотрит. И мне вдруг становится страшно от того, насколько это легко. Не прикосновение. Не роль. Не насилие ситуации.

Легкость.

Как будто тело действительно помнит. Как будто привычки никуда не делись: как стоять рядом, как дышать в одном ритме, как неосознанно подстраиваться. Я замечаю, что сама чуть разворачиваюсь к нему плечом. Что не держу дистанцию. Что смотрю не в камеру, не поверх него, а на него самого.

И он отвечает тем же.

Фотограф снимает быстро, почти не дыша.

— Да... Вот это. Не уходите. Не ломайте. Отлично.

Я слышу только щелчки затвора и свое сердце, которое почему—то стало биться не там, где надо.

Костя еле заметно наклоняет голову.

— Все в порядке? — спрашивает он так тихо, что этого никто не должен услышать.

— Нет, — так же тихо отвечаю я.

И это, по—моему, первая честная вещь между нами за последнее время. Его пальцы снова касаются моей талии. На этот раз не как инструкция фотографа. Как движение человека, который тоже на секунду забылся.

Щелчок.

Еще один.

И в этот момент Лариса говорит чуть громче, чем нужно:

— Константин Петрович, у вас галстук слегка ушел.

Мы одновременно отстраняемся. Слишком быстро.

Фотограф почти воет:

— Нет! Ну зачем! Такой был кадр.

Мама, стоя сбоку, сухо замечает:

— Потому что у некоторых людей аллергия на чужое счастье.

Лариса переводит на нее взгляд.

— Простите?

— Ничего, — мама улыбается. — Просто возраст. Иногда думаю вслух.

Егор утыкается лбом в ладонь.

Я отворачиваюсь, будто поправляю волосы. На самом деле мне нужно несколько секунд, чтобы выровнять лицо. Щеки горят. Пальцы тоже. Я ненавижу все это. Фотографа. Фон. Свет. Белую стену. Руку Кости на своей талии. Себя — особенно.

Потому что какая—то часть меня только что не играла. Какая—то часть меня только что была там по—настоящему.

— Все, — говорит фотограф. — Теперь можно с сыном. И потом бабушку. И обязательно попугая в финале. Это будет бомба.

— Это будет уголовное дело, — бормочет Костя.

Егор подходит ближе.

Максим в этот момент подходит к Косте, наклоняется к нему и что—то говорит на ухо. Очень тихо. Я не слышу слов, но вижу, как меняется лицо Кости. Не сильно. Совсем чуть—чуть. Но я отлично умею читать эти почти незаметные сдвиги.

— Что? — спрашиваю я раньше, чем успеваю подумать.

Он поворачивается ко мне.

Пауза выходит короткой, но нехорошей.

— Внизу журналисты, — говорит он. — Кто—то все—
таки слил про съемку.

Фотограф замирает с камерой в руках. Егор поднимает брови. Мама медленно распрямляет плечи.

Аркадий, будто только этого и ждал, радостно орет из клетки:

— Суд идет! Суд идет!

И почему—то именно в этот момент я понимаю: все, что происходило до сих пор, действительно было только репетицией.

Глава 9. Константин

Максим подходит ко мне в тот момент, когда фотограф уже собирается щелкнуть снова. Он наклоняется ближе и тихо говорит на ухо:

— Внизу журналисты. Кто—то слил инфу.

Пальцы на талии Алины застывают. Я резко убираю руку. Она поворачивает голову, чувствует мое напряжение.

— Что? — спрашивает она. Голос ровный, но ее плечи чуть подбираются.

— Внизу пресса, — говорю я. — Охрана держит вход, но это только начало.

В комнате меняется воздух почти физически. Фотограф застывает с камерой в руках, не дожидая кнопки. Егор поднимает голову от телефона и смотрит на меня с любопытством человека, который ждет развлечений. Людмила Павловна, наоборот, заметно оживляется.

Аркадий в клетке радостно орет:

— Суд идет!

Я медленно перевожу взгляд на клетку. На попугая, который топорщит перья и явно доволен собой.

— Вот это сейчас главная угроза, — говорю я.

Максим коротко кивает. Пальцы теребят планшет, видно, что он нервничает.

— Их сюда не пропустят. Охрана сказала, что у нас закры-

тое мероприятие.

— Хорошо. — Я окидываю комнату взглядом, считаю людей, предметы, риски. — Тогда съемку на паузу. Дверь закрыть. Клетку с пернатым накрыть.

— Возражаю! — немедленно откликается Аркадий.

Егор фыркает. Плечи трясутся, но он сдерживается.

— Поздно. Он уже вышел в эфир.

Лариса, которая до этого стояла у стены с блокнотом, достаёт телефон. Ее лицо становится озабоченным, она быстро печатает, чуть нахмутив брови.

— Я предупрежу штаб. И позвоню нашему пиарщику.

— Предупреди, — говорю я. — Но без истерики. У нас обычная семейная фотосессия, а не государственный переворот.

— Пока, — тихо замечает Алина.

Я бросаю на нее взгляд. Она уже снова собранная, холодная. Губы сжаты, руки скрещены на груди. Но глаза следят за каждым моим движением.

Правильно.

Фотограф осторожно кашляет. Опускает камеру, смотрит на меня с надеждой человека, который хочет уйти, но боится спросить.

— То есть... перерыв?

— То есть две минуты тишины, — отвечаю я. — И никакой самодеятельности.

Людмила Павловна складывает руки на груди. Ее подбо-

родок чуть приподнят — поза, которую я знаю много лет. Она готова к бою. Или к интервью. С ней никогда не угадаешь.

— А я—то думала, самое интересное уже началось.

— Нет, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Самое интересное начнется, если ваш любимый попугай даст интервью раньше меня.

Аркадий шуршит в клетке — я слышу, как он перебирает лапами по жердочке, — и с удовольствием сообщает:

— Развод!

В комнате становится настолько тихо, что я слышу собственное дыхание. И дыхание Алины. Она не смотрит на меня. Смотрит в пол.

Я медленно выдыхаю. Чувствую, как желваки заходили на скулах, и заставляю себя расслабить челюсть.

— Да, — говорю я Максиму, не отводя взгляда от клетки.

— Именно поэтому я не люблю все живое в кадре.

Максим молчит. Кивает и тихо сглатывает.

Дверь открывается резко, быстро, точно.

В зал проскальзывает девушка в светлом плаще, с телефоном в руке и с лицом человека, который пришел не знакомиться, а фиксировать. Охранник влетает за ней через секунду — запыхавшийся, красный, бесполезный. Она уже внутри. Уже зафиксировала своим профессиональным взглядом все, что ей нужно.

Телефон в ее руке поднимается сразу. Короткое профес-

сиональное движение, без дрожи.

— Добрый день, — говорит она. — Валерия Савельева, «Городской курс».

Лариса делает шаг вперед. Корпус напряжен, плечи расправлены.

— Вам сюда нельзя.

Валерия даже не смотрит на нее. Смотрит на меня.

И в этот момент Аркадий, как назло, расправляет крылья — я слышу сухой шелест перьев — и орет на весь зал:

— Развод! Развод!

Егор давится смехом, пытается сдержаться, но у него плохо получается. Людмила Павловна, наоборот, подбирается, будто ей наконец выдали достойную сцену. Спина прямая, подбородок приподнят.

Я смотрю на Валерию.

Она не дергается. Не улыбается. Просто слегка уводит телефон на клетку и возвращает обратно на меня. Хорошо работает. Ненавижу журналистов, которые хорошо работают.

— Телефон уберите, — говорю я. Голос ровный, но внутри все сжимается.

Она опускает руку. Не сразу, но не спорит. Рука замирает на уровне пояса.

— Константин Петрович, — говорит она спокойно, — это уже семейный блок кампании?

— Это закрытая съемка, — отвечаю я. — И вы здесь без приглашения.

— Поняла, — кивает она. — Тогда коротко. Лаб—Нет вы тоже не комментируете?

Вот теперь в комнате становится тесно.

Я чувствую, как воздух меняется. Как Максим рядом со мной очень тихо втягивает воздух, как Лариса замирает с блокнотом, не понимая, но уже чувствуя.

Краем глаза я вижу Алину. У нее едва заметно ползут вверх брови от того, что Валерия зашла не туда, куда обычно лезет пресса, а глубже.

— Нет, — говорю я.

— Не комментируете — повторяет Валерия. Голос нейтральный, но я слышу в нем крючок.

— Не обсуждаю университетские архивы с людьми, которые прорываются на закрытые съемки.

— То есть архивы все—таки есть? — оживляется она.

— То есть вы очень быстро делаете выводы.

— Работа такая.

Людмила Павловна не выдерживает первой. Встает с дивана, поправляет воротник.

— Девочка, — говорит она почти ласково, но я знаю этот тон — в нем сталь, — если уже снимаешь, сними и меня, только с удачного ракурса. Я тут единственная без политических амбиций.

— Это спорно, — бормочет Егор с усмешкой.

— Молчи, — не оборачиваясь, мягко отвечает мама.

— Суд идет! — с наслаждением орет Аркадий. Он прыга-

ет по жердочке, и клетка мелко дребезжит.

Валерия бросает быстрый взгляд на клетку, потом снова на меня.

— А у вас интересная семья, — говорит она.

Я чувствую, как рядом напрягается Алина. Плечи чуть поднимаются, пальцы сжимаются в замок. Но я уже слишком хорошо знаю такие сдвиги.

Охранник наконец подходит вплотную.

— Пойдемте.

— Уже иду, — говорит Валерия.

И действительно идет. Без истерики и без дешевого упрямства. Спокойно, с достоинством, от которого хочется скрежетать зубами. У двери только оборачивается:

— Если все—таки захотите, чтобы про Лаб—Нет когда—нибудь спросили до публикации, а не после — вы знаете мою фамилию.

И выходит.

Дверь закрывается.

Я несколько секунд смотрю на дверь.

— Прекрасно, — говорю я.

— Возражаю! — немедленно отвечает Аркадий.

Егор ржет уже не скрываясь, откинувшись на спинку стула. Лариса белеет от злости, ее пальцы сжимают блокнот, скулы напряжены.

Алина молчит. Стоит, не двигаясь и смотрит в окно.

Лариса уже кипит.

— Нам нужно срочно сработать на опережение, — говорит она. — Если у нее есть видео, это уйдет в городские каналы еще до вечера. Надо дать свою версию раньше.

— Нет, — говорю я.

Она моргает. Я вижу, как она переваривает отказ, как ищет способ обойти.

— Но если мы не перекроем повестку, ее сформируют без нас.

Людмила Павловна кивает. Она сидит с идеально прямой спиной, сложив руки на коленях.

— Зато не будет скучно.

Лариса поджимает губы. Ей хочется спорить дальше, она перебирает аргументы, но не решается.

— Съемку заканчиваем, — говорю я.

Фотограф оживает.

— Совсем?

— Совсем.

— Хорошо, что мы успели сделать хорошие кадры...

— Все материалы мне, — обрываю я. Голос жестче, чем я планировал. — Сначала я смотрю сам. Никуда ничего не уходит.

Фотограф кивает и быстро начинает собирать оборудование.

Максим подходит ближе, протягивает телефон. На экране городской чат.

— Уже написали, что у вас закрытая семейная съемка, и

кто—то из прессы прорвался.

— Фото есть?

— Пока нет. Только текст.

— Хорошо. Значит, работаем с тем, что уже есть. Без паники.

— Без паники, — повторяет он. Я слышу, что он говорит это скорее себе, чем мне.

Лариса резко выдыхает. Я чувствую ее напряжение за метр.

— Я просто не люблю, когда вакуум заполняют за нас.

— А я не люблю, когда начинают бегать быстрее, чем думают.

На секунду воцаряется тишина. Я слышу собственное дыхание.

Людмила Павловна, конечно, не может не вставить свои 5 копеек.

— А я не люблю холодный чай, но почему—то меня никто не спрашивает.

Егор прыскает. Даже фотограф отворачивается, чтобы не улыбнуться, его плечи дергаются.

Алина стоит у окна. Не оборачивается. Я вижу ее отражение в стекле — бледное и слишком спокойное.

Телефон в руке вибрирует. Я смотрю на экран. Незнакомый номер.

Открываю сообщение.

Валерия Савельева: *Если захотите, чтобы про Лаб—*

Нет однажды спросили до публикации, а не после, я готова поговорить не для протокола.

Я блокирую экран и кладу телефон в карман.

Алина смотрит на меня. В ее глазах холодное, тяжелое понимание.

— Максим, машину через пять минут, — говорю я.

— Понял. — Он кивает и выходит.

— Куда едем? — спрашивает Егор. Я слышу в его голосе любопытство.

Я перевожу взгляд на Алину.

— Домой. Пока домой.

Людмила Павловна улыбается слишком мягко.

— Как приятно. Семья все—таки едет домой вместе.

Аркадий тут же орет из клетки, будто только этого и ждал:

— Развод!

Я беру пиджак со спинки стула, надеваю, поправляю галстук. Все ровно. Все под контролем.

Должно быть.

Глава 10. Алина

Я стою у зеркала в спальне и смотрю на свое отражение. Оттуда на меня смотрит женщина, которую я когда-то знала: красивая, умная, живая. Сегодня ее аккуратно встроили в чужую предвыборную кампанию.

Хуже всего, что я все еще хочу его. Сегодня тело сказала об этом громче, чем я могла себе позволить. Как будто внутри до сих пор живет прежняя я — та, что не знала ни белого фона, ни фотографа с командой “чуть ближе”, ни этой унижительной легкости, с которой я снова встала рядом с ним.

Отвратительный день. Отвратительная съемка.

Я стягиваю халат с плеч и на секунду замираю. Кожа на талии до сих пор помнит его ладонь. Не тепло. Не нежность. Просто точку, где меня снова выключили как отдельного человека и включили как “супругу кандидата”.

Вот это слово и хочется сжечь первым.

Супруга.

Как будто у меня нет имени, работы, своих людей, своей жизни. Как будто все, что я делала годами, можно без потерь переложить в папку “женское тепло” и приложить к его кампании.

И Лариса это уже поняла. Вот что особенно мерзко.

Я даже не ревную — слишком взрослая для этой дешевой радости. Но я очень хорошо видела ее лицо. Этот взгляд

женщины, которая мысленно уже встраивается в новую конструкцию и аккуратно выдавливает из нее меня. Она точно знает, какая женщина должна быть с Костей. И это точно не я.

Меня начинает тошнить от одной этой мысли.

Дверь за спиной открывается. Я вижу Костю в зеркале.

Он останавливается на секунду. Взгляд скользит по комнате, по кровати, по мне. Потом он берет с кресла подушку. Как по расписанию.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты даже сегодня ничего не скажешь?

Он замирает у двери.

— Не сейчас.

Я коротко смеюсь. Горько, на выдохе.

— Конечно. Когда у нас что—то идет не так, у тебя всегда не сейчас.

Он поворачивает голову ко мне.

— Алина...

— Что? — я пожимаю плечом. — Иди. У тебя кабинет. Подушка. Проверенная схема.

Он смотрит на меня еще секунду. Потом выходит. Дверь закрывается тихо, но я все равно слышу этот звук — окончательный, привычный.

Я сажусь на кровать.

Полгода. Полгода он уходит туда, как будто это временно. Как будто между нами все еще идет какой—то тихий ремонт,

а не разборка несущих стен.

В дверь почти сразу заглядывает мама. Конечно.

— Я могу зайти? — спрашивает она, уже переступая порог.

— Ты уже зашла.

— И то правда.

Она окидывает меня взглядом. Останавливается на лице, на руках, которые я так и не разжала.

— Ну? — спрашивает она.

— Что “ну”?

— Понравилось ли тебе мероприятие?

Я поднимаю на нее глаза.

— Мам, не начинай.

— А я и не начинаю, я продолжаю. Не понимаю, зачем ты все это терпишь. Собрала чемодан и ушла — и гори оно все огнем. Костя мужик сильный, выплывет.

Я невольно хмыкаю. Плечи чуть опускаются.

— Он знал, куда надавить. Он обещал помочь с проектами. А это важно, мам. Это людские судьбы.

— Альтруистка ты моя, — качает она головой. — А о твоей судьбе кто подумает?

Она садится рядом. Ненадолго. И впервые за весь вечер говорит тише:

— Но тебя бесит не только то, что он тебя использует.

Я молчу. Смотрю на свои руки.

— Тебя бесит, — продолжает мама, — что ты на него все

еще реагируешь.

Я поворачиваю голову. Встречаюсь с ее взглядом — спокойным, безжалостным, любящим.

— Спасибо. Очень поддержала.

— Кто—то же должен открыть тебе глаза.

Пауза. Я слышу, как за стеной тикают часы. Как мама дышит — ровно, спокойно.

Потом я говорю:

— Завтра поеду к Галине Сергеевне.

Мама кивает. Без удивления.

— Вот и правильно. Она тебе быстро объяснит, во что ты хочешь ввязаться.

Она встает, поправляет воротник и идет к двери.

— Мам.

— Что?

— Я не хочу быть фоном.

Она смотрит на меня долго. Очень спокойно.

— Тогда перестань стоять там, где тебя ставят.

Дверь закрывается. Я сижу еще минуту. Потом беру телефон и пишу Галине Сергеевне: «Завтра можно к вам с утра».

Ответ приходит почти сразу: «Нужно».

Я смотрю на экран и вдруг чувствую не облегчение.

Злость.

Она не уходит. Спать я ложусь с ней, ворочаюсь, сбиваю одеяло, считаю до ста. Она засыпает вместе со мной и просыпается первой еще до будильника.

Я смотрю на часы – шесть утра.

В комнате серо, тихо и холодновато — так бывает только в очень ранние часы, когда дом еще не проснулся. Несколько секунд лежу, глядя в потолок, и сразу понимаю: больше не усну.

Сажусь на кровати, быстро натягиваю джинсы, свитер, собираю волосы в хвост. Двигаюсь тихо, почти на цыпочках, будто не хочу никого будить. На самом деле просто не хочу ни с кем разговаривать. По крайней мере до встречи с Галиной Сергеевной.

Она возглавляет наш женсовет уже тридцать лет. Мудрая женщина. Если кто и способен быстро отделить эмоции от реальности, то она.

На кухне темно. Только мигают зеленые цифры на микроволновке. Пишу маме короткую записку:

«Уехала по делам. Скоро буду.»

Секунду думаю, не написать ли что—то еще. Не пишу.

Тихо закрываю за собой дверь. Спускаюсь по лестнице, и с каждым шагом утро становится чуть реальнее — звуки, воздух, холодный ветер в лицо. Сажусь в машину и выезжаю.

На заправке пахнет кофе и булками. Беру большой стакан капучино и сладкую булочку с маком, хотя есть не хочется. Просто понимаю: если поеду к Галине Сергеевне совсем голодная, голова будет работать медленнее.

Она действительно уже на месте.

В женсовете в семь утра тишина почти церковная. В коридоре пахнет бумагой, пылью, чайником и чем—то цветочным. Дверь в ее кабинет приоткрыта. Я стучу и заглядываю.

Она сидит за столом в очках, читает бумаги и пьет чай из огромной кружки.

— Я тебя жду, — говорит она, даже не поднимая головы.
— Проходи.

— Доброе утро, — отвечаю я.

Она снимает очки и несколько секунд просто смотрит на меня.

— Судя по твоему лицу, утро не очень доброе.

Я захожу, ставлю кофе на край ее стола и вдруг чувствую себя школьницей, которую вызвали к директору. Только директор курит, матерится и умеет выигрывать выборы.

— Видела вчера новость, — говорит она. — И комментарии к ней тоже.

— Вы про фотосессию?

— Про нее, — кивает она. — Ты же не о погоде пришла поговорить?

Я сажусь напротив. Пальцы сжимают стакан.

— У меня такое чувство, что мне дали обидную роль Петрушки. И велели улыбаться по отмашке.

— И что? — спрашивает она. — Не нравится тебе эта роль?

Я усмехаюсь. Слабо, криво.

— Я не за сочувствием приехала.

— Слава богу. С сочувствием у меня плохо. С анализом лучше.

— Я знаю. Поэтому и приехала.

— Тогда рассказывай.

Я выдыхаю и рассказываю. Без истерики. Кусками. Фото-сессия. Лариса. Мама с Егором. Журналистка. Попугай. Костя. И, конечно, самое отвратительное — то, как убедительно все это выглядело со стороны.

Галина Сергеевна слушает молча. Не перебивает. Только один раз хмыкает, когда я дохожу до Аркадия.

— Умная птица, — говорит она.

— Слишком.

— Нет. Ровно настолько, насколько нужно любой приличной семье.

Я заканчиваю и замолкаю. Смотрю в стол.

Она откидывается на спинку стула, сцепляет пальцы на животе и смотрит на меня так, будто собирается вскрывать без наркоза.

— Ну что, — говорит она наконец. — Кампания у него стартовала. И дальше будет только веселее.

— Я заметила.

— Плохо заметила, если до сих пор сидишь с таким лицом. Тебя не обижают, Алина. Тебя используют.

Я молчу. Потому что именно это и бесит сильнее всего.

— Он берет не только твое лицо, — продолжает она. — Он берет твою репутацию. Твою работу. Твой вес в городе.

Ты для него сейчас не жена. Ты ресурс.

— Очень приятно.

— Нет. Очень полезно это вовремя понять.

Я опускаю взгляд на стакан с кофе.

— И что мне теперь делать?

Галина Сергеевна смотрит на меня с почти раздражающей прямоотой.

— Баллотироваться.

Я поднимаю глаза.

— Что? В каком смысле?

— В прямом. Иди в мэры сама.

Секунду я просто смотрю на нее. Потом смеюсь. Коротко, нервно, не веря своим ушам.

— Это вы сейчас шутите?

— Сейчас не до шуток. Тебе не кажется?

— Галина Сергеевна...

— Что “Галина Сергеевна”? Ты десять лет тянешь женсовет. Ты знаешь город лучше половины тех, кто сидит по кабинетам. Ты умеешь говорить с людьми. И, в отличие от него, ты хотя бы знаешь, где у этого города болит.

Я перестаю улыбаться.

Она замечает сразу.

— Вот, — говорит она тихо. — Уже лучше. Смех закончился, мозг включился.

— Это безумие.

— Нет, милая. Безумие — это стоять рядом с ним на фо-

тосессии и делать вид, что ты декоративное приложение. А это вполне разумный ответ.

— Он меня уничтожит.

— Попробует. Но для начала подавится.

Пауза.

— Я не политик, — говорю я.

— А ты думаешь, он родился в пиджаке и с программой развития города? — пожимает плечами она.

Я молчу.

Она подается чуть вперед.

— Иди в мэры сама, Алина. А женсовет тебя поддержит.

И вот тут я почему—то перестаю слышать кабинет. Чайник. Коридор. Шум за окном. Все становится тише.

Потому что фраза все еще звучит как безумие.

И уже не совсем как шутка.

Я сижу неподвижно несколько секунд. Потом чувствую, как пальцы разжимаются — а я даже не заметила, что сжимала их в кулак.

Поднимаюсь и выхожу из кабинета.

На секунду останавливаюсь в коридоре.

Тот же линолеум. Те же двери. Тот же запах бумаги и вчерашнего чая. За стеклом кто—то уже машет шваброй — начинается обычное утро, как будто ничего не произошло.

Как будто мне только что не предложили перевернуть собственную жизнь. Делаю глоток кофе. Он уже остыл и стал неприятно сладким.

Иди в мэры сама.

Фраза звучит в голове чужим голосом. Спокойным. Уверенным. Без права на истерику.

Я выдыхаю и иду к выходу. На улице холодно. Воздух чистый, ранний, еще не тронутый разговорами и новостями. Машин мало. Людей почти нет. Мир выглядит так, будто все можно начать сначала.

Ненадолго. Сажусь в машину, ставлю кофе в подстаканник и просто сижу, не заводя двигатель.

Руки на руле. Тишина.

Я не думаю “да”.

Я не думаю “нет”.

Я думаю о Косте. О том, как он стоял под белым фоном и делал вид, что все под контролем. О Ларисе, которая уже знает, какой я должна быть. О женщинах, которые приходят ко мне и говорят: “Вы поможете”.

И о том, что вчера меня поставили в кадр.

А сегодня впервые предложили выйти из него.

Закрываю глаза на секунду. Потом открываю. Телефон на пассажирском сиденье вибрирует.

Сообщение от Егора:

«Ты где? Бабушка уже строит планы по спасению мира.»

Я усмехаюсь. Коротко, одними губами. Завожу машину.

Решение можно отложить.

День — нет.

Глава 11. Алина

Телефон звонит, когда я уже перестраиваюсь в правый ряд у длинного светофора на выезде из центра. На экране Ира.

Я беру сразу, тревожное предчувствие холодной струйкой пробегает по спине.

— Да?

На том конце шум, голоса. Кто-то что-то говорит слишком громко, потом Ира выдыхает прямо в трубку:

— Алина, только не нервничай.

Я перестраиваюсь в правый ряд и уже чувствую, как внутри что-то собирается.

— Поздно. Что случилось?

— ДК нас снимает.

Я даже не сразу понимаю фразу. Настолько она идиотская.

— В каком смысле “снимает”?

— В прямом. Только что позвонили и сказали, что завтра в большом зале будет срочное совещание по подготовке общественных мероприятий. Нам предлагают перенести все...

— Ира запинается. — На после выборов.

Я секунду молчу.

Перед глазами вспыхивает все сразу: коробки с наборами, списки у стойки, мамы, которые уже звонили и уточняли, можно ли прийти с коляской, старики, которые по три раза спрашивали, не изменилось ли чего и будет ли где присесть.

— Кто звонил? — спрашиваю я ровно.

— Сначала администратор. А потом они еще сказали, что если мы хотим сохранить площадку, можно “обсудить формат совместного социального мероприятия”.

Вот теперь все встает на место. Это не просто перенос из-за накладки или хаоса, это присвоение. Чужую живую работу хотят быстро пристегнуть к чьей-то кампании.

Я разворачиваю машину так резко, что с соседнего сиденья соскальзывает сумка.

— Кто сейчас в ДК?

— Я, Наташа и двое волонтеров. И какой-то мужчина пришел уточнить, где завтра вход. И еще молодая женщина с коляской привезла вещи на обменный стол.

Я стискиваю руль.

— Ничего не отменять. Никого не отпускать. Коробки не увозить. Я еду.

— Алина...

— Что?

— Они сказали, чтобы мы “не нагнетали”.

Я коротко, зло усмехаюсь.

— Конечно. И люди останутся без помощи, зато без нагнетания.

Я сбрасываю звонок и прибавляю скорость.

Быстрым шагом я почти влетаю в ДК. Ира замечает меня сразу и бежит навстречу с глазами на мокром месте. Я смотрю по сторонам.

На лавке у стены сидит пожилой мужчина в старом пальто и держит в чуть подрагивающих руках сложенный листок с распечатанным анонсом. Рядом молодая женщина с уставшим лицом и ребенком в коляске. У ее ног пакет с детскими вещами. Она смотрит на всех с выражением лица, не ожидающего ничего хорошего, но все равно с надеждой, что в этот раз их не прогонят.

У меня внутри что-то стягивается в тонкую жесткую проволоку.

— Где директор? — спрашиваю я у Иры вполголоса.

— Наверху. Представитель администрации еще не уехал. Директор с ним в кабинете.

Я киваю, но сначала иду к мужчине.

— Добрый вечер. Вы на завтра?

Он поднимает на меня глаза и встает с трудом, опираясь ладонью о лавку.

— Да, доченька. Мне сказали, с девяти. Я просто хотел понять, где вход, чтобы утром не ходить кругами. А то у сына утром мало времени будет. Он меня привезет.

Я смотрю на этот мятый листок в его руке, на аккуратно застегнутое пальто, на то, как он стоит передо мной с беззащитной вежливостью, которую пожилые люди почему-то сохраняют даже после того, как их много раз отфутболивали.

Проволока внутри меня натягивается еще сильнее.

— Все будет с девяти, — говорю я спокойно. — Вход тот же. Я лично прослежу.

Он кивает, благодарит и идет к выходу, облегченно выдыхая. Он мне верит. Просто потому что очень хочет верить хоть кому-то.

Потом я подхожу к женщине с коляской.

— Вы на обменный стол?

Она сразу напрягается. Будто ждет, что сейчас ей скажут: не туда пришли, поздно, приходите потом, оставьте заявку, вас никто не звал.

— Да... мне сказали, можно вещи сегодня оставить. А то завтра с двумя детьми неудобно.

— Можно, — говорю я. — Все можно. Оставляйте.

Она тоже сразу успокаивается. От одного нормального тона. Вот за это я систему и ненавижу особенно сильно: людям уже достаточно, чтобы с ними просто говорили как с людьми.

— Ира, — говорю я, не оборачиваясь, — помоги женщине с вещами и скажи Наташе, чтобы подготовила накладные.

— Уже.

Только после этого я иду вверх.

В кабинете директора душно. На столе бутылка воды, папка с нашими документами и физически осязаемое напряжение.

Директор ДК сидит сбоку и очень внимательно изучает угол стола. Вид у него такой, будто он уже заранее ненавидит этот день, но хочет, чтобы виноватым в нем оказался кто-то другой.

А напротив стоит тот самый представитель администра-

ции.

Молодой, гладкий, в дорогом пальто. Видимо, действительно собирался уже уезжать, когда удачно смог аккуратно размазать чужую работу по политическому календарю.

Он поворачивается ко мне с улыбкой человека, который уверен, что умеет разговаривать с неприятными женщинами.

— Алина Викторовна, добрый вечер. Рад вас видеть. Мы как раз обсуждаем, как цивилизованно урегулировать вопрос...

— Отлично, — отвечаю я. — Тогда начнем с простого. Кто дал вам право снимать с площадки социальный проект, который готовился месяц?

Он чуть медленнее опускает улыбку.

— Никто ничего не снимает. Речь о переносе.

— После выборов?

— Ситуация требует определенной гибкости.

— Нет, — говорю я. — Ситуация требует подгузников, продуктовых наборов, медконсультантов и юриста для пособий. Все остальное — это уже лирика.

Он улыбается противной протокольной улыбкой.

— Вы, безусловно, делаете важное дело. Именно поэтому я и говорю, что его можно масштабировать в правильной рамке.

— В предвыборной?

В кабинете становится тихо.

Директор ДК начинает очень внимательно изучать угол стола. Помощник замглавы чуть медленнее садится на стул.

— Я бы не стал так формулировать.

— А я стала. Потому что у меня нет времени на подбор выражений. Вы хотите, чтобы мы завтра не помогли людям, а украшали чью-то кампанию. Так?

— Вы утрируете.

— Нет. Я перевожу с административного на русский.

Он выдыхает и сцепляет пальцы.

— Послушайте, Алина Викторовна. Вам же самой выгоднее встроить акцию в большую городскую повестку. Будет поддержка, ресурсы, медийное сопровождение...

— Мне завтра нужны не медийное сопровождение и не большая повестка. Мне завтра нужны зал, столы, электричество, и чтобы старики, которые приедут к девяти, не услышали на входе: “извините, вас перенесли ради красивой картинки”.

Он уже не улыбается.

— Вы мешаете конструктивному разговору.

— Нет. Это вы все время пытаетесь подменить его сделкой.

Я вижу, как директор ДК чуть поводит плечами. Ему физически неудобно. Ну и отлично. Не все же только мне.

Представитель администрации откидывается на спинку стула.

— Мы не отменяем. Мы просим перенести.

— Для женщины с младенцем, которая экономит на смеси, “перенести” и “отменить” — это одно и то же.

Он открывает рот, явно собираясь сказать что-то гладкое и бесовестное, но я не даю.

— Внизу сейчас сидит пожилой мужчина с распечатанным анонсом. Он приехал уточнить, где утром вход, чтобы не ходить кругами. Рядом женщина с коляской привезла вещи на обменный стол, потому что завтра ей неудобно тащиться с двумя детьми. Хотите, я их сейчас сюда приглашу? И вы лично объясните им, что у нас тут не отмена, а гибкость?

Тишина становится плотнее.

Директор наконец поднимает глаза. Помощник замглавы смотрит на меня уже без благожелательной вежливости, а просто как на человека, которого не удалось быстро положить в правильную папку.

— Вы драматизируете, — говорит он.

— Нет. Я просто единственная в этой комнате, кто помнит, ради кого все это завтра проводится.

Я достаю из папки договор и кладу на стол.

— У нас с ДК все согласовано. Письменно. Месяц назад. У нас подтвержденные партнеры, график, волонтеры, логистика и люди, которых уже обзвонили. Если вы хотите это сорвать, замечательно. Тогда мне нужен официальный письменный отказ с формулировкой: “День помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, отменен в связи с

более важным совещанием по подготовке общественных мероприятий”.

Директор вздрагивает раньше, чем успевает это скрыть. Помощник замглавы смотрит на бумагу, потом на меня.

— Никто так не напишет.

— Конечно, — киваю я. — Потому что устно вы можете говорить все, что угодно. А письменно только то, за что готовы отвечать.

Он молчит.

Я добиваю уже тише:

— И еще. Если завтра к девяти здесь не будет нашей акции, люди все равно придут. И будут задавать вопросы. Не мне, потому что я свою часть сделала. Не сделаете вы.

Вот тут я вижу, что попадаю. Не в совесть, конечно, это было бы слишком оптимистично. В расчет. Он быстро смотрит на директора ДК. Потом на телефон. Потом снова на меня.

И в этой короткой паузе я вдруг очень ясно понимаю, как у них все устроено: пока речь идет о безликом “мероприятии”, можно двигать, переносить, встраивать, оптимизировать. Но как только появляется риск, что у этого мероприятия возникнут лица, голоса и формулировки, которые потом неудобно будет пересказывать наверх, вся их гибкость становится гораздо менее уверенной.

Он встает.

— Одну минуту.

Выходит в коридор с телефоном.

Директор остается со мной и делает вид, что занят бумагами. Я стою у окна и смотрю вниз, во двор. Там волонтеры разгружают коробки. Белые, коричневые, с наклейками, с подписями маркером. Чужая нужда аккуратно расфасована по категориям. Смесь. Крупы. Подгузники. Бытовая химия. Гигиена. Консультации. Документы.

Помощник замглавы возвращается минут через семь. Лицо у него все еще собранное, но на правом виске проступила едва заметная жилка. Хороший знак.

— Ваше мероприятие остается, — говорит он сухо. — Сопещение перенесут в малый зал.

Я смотрю на него секунду.

— Очень благородно с вашей стороны.

— Не надо ерничать.

— А не надо было пытаться сдвинуть людей под политический календарь.

Он ничего не отвечает.

Правильно. Лучше не надо.

Я разворачиваюсь и выхожу из кабинета.

Внизу Ира поднимает на меня глаза.

— Ну?

Я смотрю на коробки, на баннер акции, на столы, которые волонтеры уже начали сдвигать, на списки, где чьи-то фамилии аккуратно распечатаны по алфавиту.

И отвечаю:

— Все остается.

Ира выдыхает так, будто все это время была под водой и, наконец, вынырнула.

— Как?

Я смотрю на нее, потом на женщину с коляской, на наш баннер, на коробки и говорю:

— Очень хотелось сказать “чудом”. Но нет. Просто у них не получилось украсть у нас завтрашний день.

Я выхожу из ДК часа через два. После таких разговоров всегда остается мелкий, липкий хвост: уточнить завтрашнюю расстановку столов, проверить, что коробки не оставили у центрального входа, напомнить Наташе про списки и бейджи волонтеров, сказать Ире, чтобы не забыла пообедать, пока еще помнит, как это делается.

В ДК уже не суета, а рабочий гул. Все постепенно возвращается в нормальный ритм, как будто никто два часа назад не пытался аккуратно все отменить под предлогом общественной пользы.

Я выхожу на улицу.

День серый, сырой, обычный. Из тех, в которые город выглядит особенно равнодушным. Машины едут, люди идут, кто-то тащит пакет из магазина, кто-то говорит по телефону, и никому нет дела до того, что для нескольких десятков семей и стариков завтра могли остаться без помощи.

Я сажусь в машину и закрываю дверь.

Тишина. Первая за этот день нормальная тишина. Кладу

руки на руль, потом медленно откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза.

Перед глазами все еще стоит этот кабинет. Гладкое лицо представителя администрации. Его “городская рамка”. И мужчина в старом пальто внизу, с распечатанным анонсом в руке.

Телефон вибрирует на соседнем сиденье. Открывать глаза не хочется, но я все-таки тянусь, смотрю на экран.

Незнакомый номер. Предположений никаких. Беру трубку.

— Да.

Голос женский. Молодой, собранный, очень деловой.

— Алина Викторовна? Добрый день. Это штаб Константина Петровича.

Я открываю глаза.

Вот только вас мне и не хватало.

— Слушаю.

— Хотели сообщить, что завтра в одиннадцать тридцать у Константина Петровича запланировано мероприятие в рамках кампании. Встреча с активом, представителями общественных организаций и краткий подход к прессе. Ваше присутствие желательно. Возможны вопросы о семье, социальной повестке и совместных инициативах.

Я несколько секунд молчу. Потому что все, что приходит в голову в ответ, в приличном обществе обычно не употребляют.

— Простите, — говорю я наконец очень спокойно. — На завтра у меня другие планы.

На том конце пауза.

— Но Константин Петрович сказал, что мы можем на вас рассчитывать.

Я смотрю в лобовое стекло и меня вдруг накрывает тихой и холодной ясностью.

Одни люди сегодня звонили, чтобы сдвинуть помощь ради политической повестки. Другие — чтобы пригласить меня завтра красиво постоять рядом и поговорить о социальной повестке в рамках кампании.

Удивительно стройная система.

— Девушка, спасибо за информацию, — говорю я. — Я вас услышала.

— То есть вы завтра будете?..

— Нет, — отвечаю я и отключаюсь раньше, чем она успевает подобрать вежливую формулировку.

Телефон тут же вспыхивает снова, видимо, она любит работать на закрепление результата.

Сообщение.

«Если потребуется, можем направить детали по мероприятию».

Я даже не открываю. Просто смотрю в окно еще несколько секунд. Потом беру телефон, нахожу Галину Сергеевну и пишу два слова:

Я: «Еду».

Ответ приходит почти сразу.

Галина Сергеевна: «Жду».

Ни одного лишнего слова. Ни одного вопроса. Как будто она и так все уже поняла.

Наверное, так и есть.

Я кладу телефон рядом, завожу машину и выезжаю со стоянки, не оглядываясь на ДК. Все, что нужно было сделать здесь, я уже сделала.

Домой я приезжаю уже вечером на автомате. Без мыслей. Без музыки. Просто из точки А в точку Б. Хочется просто упасть на диван и вытянуть ноги.

Из кухни сразу голос:

— Наконец-то. Я уже собиралась звонить тебе.

— Не нужно, — отвечаю, снимая пальто.

Егор выглядывает из комнаты.

— О, вернулась. Бабушка наготовила еды на роту солдат и заставляет меня все попробовать.

— Отлично, — говорю я. — Я безумно хочу есть.

Аркадий где-то сверху радостно орет:

— Аркаша хороший!

— Да, но это ничего не меняет, — бормочу я и прохожу на кухню.

Мама смотрит внимательно.

— У тебя все нормально?

— Все хорошо, мам. Устала просто.

Я сажусь за стол. Передо мной почти сразу появляется та-

релка. Мама с Егором о чем-то разговаривают. Егор что-то рассказывает, мама комментирует, Аркадий периодически вмешивается в процесс правосудия.

Я слушаю вполуха.

В прихожей щелкает замок.

Мама даже не оборачивается.

— А вот и кандидат пришел, — говорит она спокойно.

Я поднимаю глаза.

Костя входит, снимает пальто, на ходу машинально поправляет галстук, чуть резче, чем нужно. Значит, день у него тоже был не из легких.

Он замечает меня сразу. Делает короткую рабочую паузу.

— Добрый вечер, — говорит он.

— Для кого как, — тихо отзывается мама.

Егор делает вид, что его внезапно очень заинтересовал телефон.

Аркадий, конечно, не делает вид.

— Возражаю!

— Аркадий, тихо, — беззлобно говорю я и смотрю на Костю.

Он подходит ближе. Останавливается у стола.

— Завтра мероприятие.

Началось...

— В одиннадцать тридцать, — продолжает он. — Встреча с активом, представителями общественных организаций. Потом короткий подход к прессе. Важно выдержать общий

тон. Без резких формулировок. Возможны вопросы о семье, о социальной повестке...

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что устала от того, как легко одни люди говорят про “повестку”, когда другие просто пытаются дотянуть до конца недели.

— Костя, — говорю я тихо.

Он поднимает глаза.

— Что? Ты должна быть завтра, и это не обсуждается. Это часть кампании.

— Скажи мне честно. Вот это все... — я делаю короткий жест рукой, — это про город или про тебя?

Он не отвечает сразу. Секунду просто смотрит на меня, как будто проверяет, куда именно я веду.

— Это про результат, — говорит он наконец.

Я киваю.

— Очень логично.

— Алина.

— Нет, правда. Очень по делу.

Он смотрит внимательнее.

— Завтра ты будешь там.

— Нет.

Пауза.

Мама перестает стучать ложкой о чашку. Егор медленно поднимает голову.

Костя хмурится едва заметно, быстро поправляет запонку.

— В каком смысле?

Я выдерживаю его взгляд.

— В прямом.

Секунда.

Потом спокойно продолжаю:

— Я сегодня подала документы в избирком.

Тишина падает резко.

Мама кашляет и слишком громко ставит чашку на стол.

Егор поднимает голову и откладывает телефон.

Аркадий орет:

— Развод! Развод!

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.